

АРЕСТАНТЫ ВЪ СИБИРИ.

Арестантъ ѣсть прошеное, носить брошеное, жить краденымъ.

Арестантская поговорка.

Имѣя хорошій случай близко познакомиться съ арестантскимъ бытомъ, я рѣшился представить его въ краткомъ, но вѣрномъ очеркѣ. Положеніе арестанта у насъ незавидное. Арестантъ — чело-вѣкъ почти всегда погибшій для общества и остатокъ своей жизни проводитъ сначала по острогамъ, этапамъ да больницамъ, а потомъ въ рудникахъ или заводскихъ работахъ; тѣ изъ нихъ, которые не могутъ освоиться съ такою жизнью, бѣгаютъ и проводятъ жизнь бродягами, ихъ часто ловятъ, за побѣгъ увеличиваютъ срокъ работъ, тѣ опять бѣгутъ, имъ еще увеличиваютъ срокъ, поймавъ ихъ, они опять бѣгутъ, пока снова не попадутся, и въ этомъ состоитъ жизнь такого арестанта. Немногіе, кончившіе свои сроки работъ, выходятъ будто бы на волю, дѣлаются поселенцами, но незавидна жизнь поселенца, лишеннаго многихъ, необходимыхъ для благосостоянія, правъ, особенно не имѣющаго денегъ, а такихъ 99%. Своимъ хозяйствомъ онъ жить не можетъ, а принужденъ большею частію вести незавидную жизнь работника у какого нибудь крестьянина, но и такое занятіе не всегда можно найти и пойдетъ часто поселенецъ безъ работы, безъ денегъ заниматься воровствомъ, таскаться по кабакамъ, а при случаѣ убивать, а такая жизнь ведетъ его обратно въ каторжную работу. Такъ и идетъ большею частію жизнь попавшаго въ Сибирь, какъ въ заколдованномъ кругѣ; поселенецъ дѣлается

каторжнымъ или бродягой, и наоборотъ каторжный дѣлается бродягой, а потомъ или снова поступаетъ въ каторжные или, при удобномъ случаѣ, подъ чужимъ именемъ дѣлается поселенцемъ; если ему плохо пришлось на поселеніи, или ему угрожаетъ опасность, что откроютъ его настоящее имя и званіе, онъ опять идетъ бродяжить, опять иногда попадается и т. д. Такіе переходы въ Сибири бывають постоянно.

Въ своемъ очеркѣ я не буду вдаваться въ разсужденія, а изложу главнымъ образомъ факты. Я опишу сначала жизнь арестантовъ по тюрьмамъ, по этапамъ и въ дорогѣ, потомъ жизнь въ заводскихъ работахъ, и наконецъ, жизнь бродягъ, которые составляютъ въ Сибири какъ бы особый классъ людей.

I.

ТЮРЕМНАЯ ЖИЗНЬ.

Тюрьмы въ Сибири, какъ и вообще въ Россіи, раздѣляются на два главныя отдѣленія: подсудимое и пересыльное. Какого рода арестанты содержатся въ нихъ, показываетъ самое ихъ названіе. Каждое отдѣленіе раздѣлено на нѣсколько различной величины камеръ, чрезвычайно грязныхъ, особенно въ небольшихъ уѣздныхъ городахъ; подсудимое отдѣленіе всегда бываетъ немного лучше устроено, чѣмъ пересыльное. Кромѣ того, въ каждомъ острогѣ есть маленькія, грязныя, сырыя комнатки (называть ихъ комнатами, впрочемъ, довольно трудно) съ весьма небольшими оконцами, находящимися въ верхней части комнаты; эти комнатки носятъ названіе секретныхъ; въ нихъ сажаютъ важныя подсудимыхъ и вообще въ чемъ нибудь провинившихся арестантовъ, по одному въ номеръ, а иногда, по недостатку номеровъ, по два и по три. Остальныя камеры (подсудимыя и пересыльныя) называются общими и также отличаются грязью и душливымъ воздухомъ; въ нихъ бывають обыкновенно въ длину комнаты, у двухъ противоположныхъ стѣнъ, деревянныя нары, а если камера побольше, то нары ставятся и по срединѣ ея, такъ чтобы между ними былъ только небольшой проходъ, аршина въ полтора. Въ углу почти каждой камеры виситъ образъ. Вотъ и все убранство камеры. На нарахъ тѣсняются арестанты, владѣя каждый мѣстомъ, гдѣ только можно лечь; лежатъ большею частію на голыхъ нарахъ, подложивъ одежду подъ голову; у кого есть лишняя одежда, тотъ кладетъ ее подъ себя. Иногда, особенно въ пересыльныхъ камерахъ, тѣснота доходитъ до того, что третья часть арестантовъ спитъ на полу и подъ нарами. Въ камерахъ, въ которыхъ безъ вреда для здоровья

АРЕСТАНТЫ ВЪ СИБИРИ.

могло бы помѣститься человекъ пятнадцать, помѣщаютъ иногда вдвое большее число, а въ большія камеры помѣщаютъ до 80-ти арестантовъ, а иногда до 100 и болѣе; отъ этого воздухъ въ нихъ представляетъ всегда обиліе углекислоты и недостатокъ кислорода; кромѣ того, зловоніе усиливается еще значительно грязнымъ содержаніемъ отхожихъ мѣсть, которыя находятся тутъ же въ корридорахъ.

Наконецъ, въ тобольской тюрьмѣ есть еще особое, такъ называемое дворянское отдѣленіе, состоящее изъ семи или восьми маленькихъ комнатокъ, и въ каждой изъ нихъ есть столикъ и кровать съ тюфякомъ, подушкой и одеяломъ, хотя и довольно сомнительной чистоты. При дворянскомъ отдѣленіи есть особенный небольшой дворикъ. Въ другихъ тюрьмахъ такого отдѣленія нѣтъ, но тамъ для ссыльныхъ дворянъ, и преимущественно для политическихъ преступниковъ, очищаютъ отдѣльныя небольшія камеры.

Воздухъ въ арестантскихъ камерахъ, какъ я уже сказалъ, чрезвычайно удушливъ, но вдобавокъ къ этому въ самыхъ тюрьмахъ, на примѣръ, въ Томскѣ, арестантовъ чрезвычайно рѣдко выпускаютъ гулять по двору; въ остальныхъ тюрьмахъ, особенно въ уѣздныхъ городахъ, они могутъ гулять по двору ежелневно, довольно долгое время, а иногда и цѣлый день съ утра до вечерней повѣрки, т. е. до того времени, когда начинается смеркаться. Но эта привилегія дается большею частію только арестантамъ мужскаго пола; женщины выпускаются гулять на дворъ, обыкновенно на нѣсколько часовъ, разъ или два въ недѣлю, а иногда только по праздникамъ. Остальные дни недѣли они заняты работой, стираютъ казенное бѣлье для арестантовъ или моютъ полы въ острогѣ. Въ нѣкоторыхъ городахъ каждую субботу посылаютъ партію женщинъ (до 10 человекъ) въ городъ мыть полы у властей; нѣкоторыя изъ властей платятъ за это каждой изъ нихъ копѣекъ по десяти. Работы на казну въ острогѣ производятся ими, конечно, даромъ. Добывать деньги онѣ имѣютъ случай или шитьемъ для арестантовъ, или стиркой собственнаго арестантскаго бѣлья.

Для мужчинъ-арестантовъ, въ губернскихъ городахъ, при острогѣ устроены мастерскія, гдѣ можетъ работать каждый знающій какое нибудь ремесло. Эти мастеровые арестанты работаютъ обыкновенно на своихъ товарищей, но часто добываютъ заказы и изъ города, или съ воли, какъ говорятъ арестанты, получая и въ томъ и другомъ случаѣ хорошія деньги. На ближайшее начальство работаютъ большею частію даромъ; высшее же, хотя и платитъ имъ за работы, но цѣны довольно умѣренныя; бываютъ, конечно, исключенія.

Большинство мастеровыхъ составляютъ сапожники, потомъ порт-

ные, столяры и переплетчики, представителей прочихъ ремеслъ бываетъ мало, а иногда и вовсе не бываетъ; они и есть между арестантами, да не работаютъ, потому что нѣтъ инструментовъ, а когда и попадаются инструменты казенные, то большею частію негодные. Работаютъ хорошо и честно очень немногіе изъ мастеровыхъ; большинство же работаетъ съ грѣхомъ пополамъ, стараясь только сбыть съ рукъ заказъ. Это, впрочемъ, особенность не однихъ арестантовъ, а вообще большей части русскихъ мастеровыхъ.

Изъ арестантовъ не работающихъ въ мастерскихъ нѣкоторые желающіе ходятъ ежедневно на разныя городскія работы: на чистку улицъ, устройство домовъ, мостовъ и т. п. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Иркутскѣ работали арестанты при устройствѣ довольно длиннаго моста черезъ рѣку Ушаковку, а въ 1863 году, лѣтомъ, работали въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Иркутска надъ устройствомъ новой дороги. Вообще съ помощію арестантовъ произведено въ Иркутскѣ экономическимъ образомъ нѣсколько полезныхъ работъ; на этихъ работахъ арестанты получаютъ иногда поденную плату, копѣекъ 10, 15 и болѣе, но большею частію работаютъ даромъ. Впрочемъ, ходить на работы для арестанта необязательно. Обыкновенно въ седьмомъ часу утра надзиратель вызываетъ желающихъ, и желающіе всегда оказываются, а иногда и довольно много, потому что арестантъ знаетъ, что хотя за работу онъ и не получитъ денегъ, но по крайней мѣрѣ, проведетъ день не въ душномъ острогѣ, пройдетъ до мѣста работы по городу, на вольныхъ людей посмотритъ, можетъ увидѣться до-рогой съ знакомыми, а главное почти всегда выпить шкаликъ, другой водки, а иногда и напиться до положенія ризъ. При этомъ бывають презабавные случаи. Напримѣръ, весною 1863 года, пошла какъ-то изъ красноярской тюрьмы партія арестантовъ на работу, возвратилась вечеромъ, ее по обыкновенію обыскиваютъ, не несетъ ли кто водки, картъ или табаку (на табакъ, впрочемъ, въ тюрьмахъ не обращаютъ теперь большаго вниманія, особенно въ Сибири), потомъ повѣряютъ, всѣ ли возвратились—оказывается, нѣтъ трехъ человекъ; это впрочемъ, явленіе обыкновенное, повторяющееся весною почти каждый день во всѣхъ городахъ, гдѣ ходятъ на работу; но вотъ что возбудило всеобщій смѣхъ: на другой день поздно вечеромъ раздается сильный стукъ въ острожныя ворота; ефрейторъ отпираетъ ихъ, спрашиваетъ, кто пришелъ, оказывается одинъ изъ пропавшихъ наканунѣ арестантовъ, объяснившій при этомъ, что онъ вчера на работѣ напился, такъ что не могъ идти и легъ спать тутъ же въ сторонѣ, гдѣ работаютъ; когда партія кончила работу и уходила, конвойные вѣрно не замѣтили его и оставили тутъ; проснувшись утромъ, онъ рѣшилъ, что хотя бѣжать и не хочетъ, но въ острогъ идти еще рано — нужно

прежде опохмѣлиться; въ этомъ занятіи онъ провелъ цѣлый день и уже вечеромъ явился къ тюремному начальству.

Большинство ходитъ на работу, чтобы напиться, — потому что въ острогѣ водки мало, да и при томъ чрезвычайно дорога, — такъ что партія приходитъ съ работы навеселѣ. Надобно, впрочемъ, замѣтить, что въ западной Сибири, до города Ачинска (т. е. до границы восточной Сибири), гдѣ всѣ караулы находятся въ рукахъ линейныхъ солдатъ, арестантамъ жить не такъ свободно. Съ Ачинска же, т. е. въ восточной Сибири, гдѣ караульными бываютъ единственно казаки, не пропитанные на столько службой, какъ солдаты, арестанты пользуются съ ихъ стороны нѣкоторыми льготами.

На городскія работы ходятъ обыкновенно человѣкъ 30, 60, иногда 80 и даже до 100, смотря по роду работъ. Въ Иркутскѣ, напримѣръ, обыкновенно лѣтомъ, ходитъ около 80 человѣкъ; въ Красноярскѣ среднимъ числомъ 30; въ Тобольскѣ тоже около этого. Въ мастерскихъ занимается человѣкъ 10 или 20, рѣдко болѣе, такъ что напримѣръ въ Иркутскѣ занято работой арестантовъ человѣкъ сто, тогда какъ число всѣхъ содержащихся въ тюрьмѣ часто превышаетъ четыреста. Въ Тобольскѣ число занятыхъ арестантовъ еще менѣе ста, а число всѣхъ содержащихся бываетъ обыкновенно около 600, а часто и гораздо болѣе. Бывали случаи, что во время разлитія рѣкъ, когда нельзя было отправлять партій въ дорогу, число содержащихся въ тобольскомъ замкѣ переходило за тысячу, такъ что многіе арестанты принуждены были жить на дворѣ, не смотря на вмѣстимость громаднаго острога; и вся эта масса, за упомянутыми выше исключеніями, никакимъ дѣломъ не занимается.

Понятно, что проводя въ бездѣльи часто многіе годы, во время производства его дѣла, арестантъ облѣнивается и занимается только игрой въ карты да пьянствомъ, а чтобы имѣть на это деньги, старается стащить вездѣ и все, что только можно, даже у всякаго изъ своихъ товарищей. Примѣры безукоризненной честности хотя и есть, но очень рѣдки. Впрочемъ, нельзя строго осуждать арестанта за воровство. Онъ болшею частію не знаетъ никакого мастерства, а что знаетъ, то не всегда можетъ приложить къ дѣлу; онъ не знаетъ мастерства, слѣдовательно, не имѣетъ возможности честно выручать деньги, при обиліи свободнаго времени, подъ вліяніемъ дурныхъ товарищей, не имѣя часто даже никакой движимой собственности (*);

(*) Иные арестанты ровно *ничего* не имѣютъ, кромѣ казенной одежды, такъ что если бы тюремному начальству вздумалось, въ одно прекрасное утро, отобрать эту одежду, они были бы, по выраженію арестантовъ, легче пуху. Такому жигану (какъ ихъ называютъ товарищи и вообще всѣ сибиряки), не знающему при томъ никакого ремесла, ничего болѣе не остается, какъ просить подаяніе да воровать.

наконецъ казенное содержаніе весьма мало, а между тѣмъ праздность развила въ немъ страсть къ игрѣ и пьянству, и эти потребности тоже требуютъ удовлетворенія, на что нужны деньги; у арестанта нѣтъ ихъ, и онъ воруетъ. Мало по малу онъ втягивается во вкусъ воровства, и съ помощію уроковъ разныхъ артистовъ воровскаго искусства, со временемъ самъ становится такимъ же.

Кромѣ искусства воровать, между арестантами существуетъ другое не менѣе важное искусство—прятать, чтобы въ случаѣ обыска не нашли украденной вещи. И по той, и по другой части есть своего рода специалисты: одни воруютъ у васъ въ глазахъ, такъ что вы этого не замѣтите; другіе прячутъ краденое, такъ что вы его не найдете, прячутъ всюду, подъ поломъ, въ дымовыхъ трубахъ, закапываютъ на дворѣ и т. п. Всѣмъ болѣе или менѣе извѣстно множество случаевъ, въ которыхъ выказывалось искусство этихъ артистовъ. Расскажу только одинъ, наиболѣе оригинальный. Въ одномъ изъ сибирскихъ городовъ былъ при острогѣ подрядчикъ, на котораго арестанты были почему-то злы; пріѣхавъ однажды въ тюрьму, подрядчикъ этотъ оставилъ лошадь на дворѣ, а самъ пошелъ къ смотрителю. Арестанты, пользуясь этимъ временемъ, выпрягли лошадь и увели ее; выходитъ вскорѣ подрядчикъ и видитъ на дворѣ одну телѣгу — лошади нѣтъ. Произошла кутерьма, пріѣхалъ городничій, обыскали всю тюрьму и никакихъ признаковъ лошади не нашли. Городничій началъ тогда просить арестантовъ, чтобы они сказали, куда спрятали лошадь, обѣщавъ, что никто изъ нихъ за эту мастерскую штуку не будетъ наказанъ. Арестанты ведутъ его въ острожную баню, выколачиваютъ подъ полкомъ нѣсколько досокъ и выводятъ оттуда лошадь. Говорятъ, что при этомъ городничій ударилъ себя по лбу и, подобно Чичикову, воскликнулъ: «ахъ, я Акимъ-простота».

Вообще воровство сильно развито между арестантами. Крадутъ все, что можно: хлѣбъ, бѣлье, разныя вещи, а главное, деньги. Арестанты знаютъ эту взаимную слабость и самымъ старательнымъ образомъ скрываютъ свои и чужія деньги, прячутъ ихъ и въ пустыхъ стѣнкахъ ящиковъ, заклеиваютъ въ книги, зашиваютъ въ бѣлье и платье, преимущественно въ канты, кладутъ въ каблуки, которые дѣлаются для этой цѣли пустыми, съ отверстіемъ внутрь сапога, носятъ въ ремняхъ, которые подвязываютъ подъ колѣна и вообще придумываютъ разныя хитрости. Но арестанты знаютъ уже всѣ эти уловки, наблюдаютъ другъ за другомъ, какое именно изъ сейчасъ упомянутыхъ средствъ кто употребляетъ, и если кто узналъ, гдѣ у другаго находятся деньги, непременно улучитъ минуту и украдетъ ихъ, особенно у неопытныхъ новичковъ, украдетъ вмѣстѣ съ вещью, въ которой они спрятаны.

Есть между арестантами еще особый оригинальный родъ воровства, именно кража бумаги. Арестанты курятъ махорку изъ трубокъ, но тамъ, гдѣ на куреніе смотрятъ сквозь пальцы. Напротивъ, гдѣ за этимъ смотрятъ строго, гдѣ трубки отбираютъ и хозяевъ ихъ наказываютъ, тамъ они курятъ папирсы, потому что трубокъ не напаешься, если ихъ постоянно будутъ отбирать, и, кромѣ того, тамъ трубка всегда будетъ служить уликою куренія, а папиросу выкурилъ и нѣтъ ея, отыскать нечего, потому что и табакъ арестанты покупаютъ по немногу, папирсы на двѣ, на три. Папирсы они дѣлаютъ изъ махорки, которую обертываютъ бумагой всевозможныхъ сортовъ, предпочитая однако ту, которая потолще. Такъ какъ на этотъ предметъ бываетъ большой расходъ бумаги, то арестанты и стараются добывать ее всюду, крадутъ, у кого замѣтятъ книги и все бумажное. Въ Тобольскѣ, напримѣръ, зимою 1863 г. одна изъ арестантскихъ партій была вызвана въ приказъ о ссыльныхъ къ одевкѣ, то есть къ полученію на дорогу казенныхъ вещей и, по обыкновенію, стояла въ корридорѣ приказа, гдѣ находилось нѣсколько шкафовъ съ разными казенными бумагами и дѣлами. Часовой стоялъ только у входа въ корридоръ и не былъ особенно внимателенъ, заботясь только, чтобы арестанты не прошли въ дверь, у которой онъ стоялъ. Нѣкоторые арестанты воспользовались этимъ временемъ, вынули доски сзади одного изъ шкафовъ, такъ что снаружи это было вовсе незамѣтно и повытаскали оттуда изрядное количество разныхъ бумагъ, и между прочимъ весьма нужныхъ, напримѣръ, партіонные списки и другія экстренныя бумаги, которыя черезъ два дня нужно было отправить вмѣстѣ съ партіей, и которыя лежали уже приготовленныя. Партію одѣли, отпустили въ острогъ и уже потомъ увидѣли, что въ шкафахъ недостаетъ многихъ бумагъ. Чиновники приказа догадались, въ чемъ дѣло; сейчасъ же въ острогѣ произведенъ былъ обыскъ и часть бумагъ найдена. Нѣсколько человекъ арестантовъ отданы по этому дѣлу подъ судъ.

Я уже сказалъ, что содержаніе, получаемое арестантами отъ казны, весьма мало, а Сибирь вовсе не отличается дешевизной припасовъ, особенно дорогой, такъ что на эту сумму трудно удовлетворить аппетиту человѣка, сдѣлавшаго 20—30 верстъ. Въ острогѣ еще сносиѣ, потому что тутъ артель выбираетъ повара, который можетъ стряпать, и тогда арестантъ имѣетъ возможность на казенныя деньги похлебать по крайней мѣрѣ горячихъ арестантскихъ щей. Если всѣ содержащіеся въ острогѣ отдадутъ повару казенныя кормовыя деньги, на это поваръ все-таки хоть что нибудь можетъ приготовить. Дорогой на этапахъ и это не всегда можно устроить, потому что часто негдѣ и некогда: арестанты приходятъ проголодавшись и покупаютъ

все у торговцев, — гдѣ имъ голоднымъ дожидаться артельныхъ шей, если бы ихъ и можно было приготовить.

Въ острогахъ тюремное начальство никогда и не выдаетъ арестантамъ кормовыхъ на руки, а само производитъ на эти деньги закупку припасовъ, изъ которыхъ повара-арестанты готовятъ пищу на всю тюрьму. Каждый арестантъ въ тюрьмѣ получаетъ въ сутки «пайку» или паекъ чернаго хлѣба, вѣсомъ обыкновенно около 3 фунтовъ, а въ иныхъ тюрьмахъ и около пяти фунтовъ; тамъ, гдѣ дѣлаютъ подаваніе капустой и другими снадобьями, есть возможность вмѣсто капусты для шей употребить лишнія деньги на хлѣбъ. Кромѣ этой пайки хлѣба, выдаваемой на весь день, арестантамъ въ 11 час. утра и въ 6 час. вечера, приносятъ въ камеры изъ кухни ушаты какихъ-то сърыхъ неблаговидныхъ и неблаговонныхъ шей. Что это за щи, изъ какихъ матеріаловъ они сварены, знаетъ одинъ только варившій ихъ поваръ. Вотъ и вся арестантская пища.

Если арестантъ захотѣлъ что нибудь сверхъ этого, онъ долженъ купить. Для этой цѣли артель выбираетъ изъ своей среды особаго такъ называемаго харчевника, у котораго можно купить съѣстное разнаго рода. На должность харчевника бываютъ ежемѣсячные торги, и должность эта остается за тѣмъ, кто больше дастъ за нее. Сумма, платимая въ артель харчевникомъ за право торговли, бываетъ довольно велика; въ Иркутскѣ, напримѣръ, весной 1863 г., цѣна была 17 р. с. въ мѣсяцъ. Харчевникъ имѣетъ на волѣ, то есть въ городѣ, уже особыхъ подрядчиковъ и подрядчицъ, которые доставляютъ ему въ острогъ все нужные припасы: молоко, булки, яйца, лукъ, соленую рыбу, чай, сахаръ, свѣчи и т. п., которые онъ продаетъ, конечно, съ барышемъ. Но этотъ барышъ никогда не покрывъ бы суммы, платимой имъ въ артель, если бы съ правомъ торговли не соединялось другое и самое главное право—содержать майданъ, т. е. игорный столъ. Харчевникъ имѣетъ нѣсколько колодъ картъ и даетъ ихъ желающимъ играть; на его же счетъ бываетъ большею частію и освѣщеніе для игроковъ; за все это онъ беретъ съ выигравшаго извѣстный процентъ, по условію. Эти-то проценты и составляютъ главный доходъ харчевника, такъ что съ избыткомъ вознаграждаютъ его за вносимыя въ артель деньги. Цѣны устанавливаются только на мѣсяцъ, по окончаніи котораго бываютъ новые торги, и цѣна за право быть майданщикомъ часто измѣняется. Это зависитъ отъ того, много ли въ острогѣ записныхъ игроковъ; тамъ каждую недѣлю одна партія уходитъ, другая приходитъ, такимъ образомъ арестанты смѣняются, и случается, что въ одной партіи игроковъ больше, чѣмъ въ другой. Майданщикъ на это разсчитываетъ и, смотря по числу игроковъ, повышаетъ или понижаетъ на торгахъ плату въ артель.

Употребляемые арестантами игры всё азартныя. Случается, что ближайшее начальство застаёт арестантовъ за игрою, карты отбираетъ, а играющихъ или сажаетъ въ секретную, или наказываетъ розгами. Но это бываетъ чрезвычайно рѣдко, потому что играютъ большею частію ночью, а если и войдетъ какой нибудь надзиратель, его видятъ еще въ дверяхъ, тотчасъ же тушатъ свѣчи, и карты въ одну секунду переходятъ уже въ двадцатія руки, такъ что ихъ не найти. Надзиратель знаетъ это и потому не дѣлаетъ обыска: ограничится только ругательствами, да и уйдетъ. Арестанты всегда надѣются на этотъ маневръ и потому рѣдко нанимаютъ караульныхъ, развѣ въ случаѣ важной, большой игры.

У майданщика же всегда есть табакъ и водка. Водка въ Восточной Сибири въ тюрьмахъ раза въ три дороже, чѣмъ на волѣ; въ Западной Сибири дороже, чѣмъ въ Восточной, а въ Россіи еще дороже, чѣмъ въ Западной Сибири. Вообще дороговизна водки въ острогахъ возрастаетъ пропорціонально строгости содержанія арестантовъ. Водку ухитряются пронести обыкновенно или служителя тюрьмы, или посетителя изъ города, или и сами караульные. Въ Сибири солдаты вообще, а особенно казаки въ Восточной Сибири, довольно дружно живутъ съ арестантами. Опускаютъ, напримѣръ, арестанта съ казаконъ въ присутственное мѣсто на допросъ, или куда бы то ни было изъ острога, казакъ за гривенникъ, а иногда и менѣе, заведетъ его въ кабакъ.

Особенными либералами въ отношеніи къ арестантамъ оказываются казаки изъ бурятъ, или братскихъ, какъ ихъ называютъ въ Сибири, служащіе въ Иркутской губерніи и Забайкальскомъ краѣ. Они вообще службою неглижируютъ и очень стоворчивы на арестантскія предложенія. Я приведу одинъ изъ многихъ случаевъ, происшедшій въ Иркутской губерніи. Въ одной изъ тамошнихъ тюремъ поставленъ былъ подчаскомъ у дверей женскаго отдѣленія казакъ-бурятъ. Онъ сначала выспался, а потомъ пошелъ на дворъ поболтать съ другими часовыми. На эту минуту попала одна изъ острожныхъ властей и спросила: «зачѣмъ онъ ушелъ съ часовъ?» — А что я тамъ буду дѣлать? спросилъ бурятъ. — «Какъ что? да тебя поставили тамъ—и стой. Значитъ, по твоему, и стоять тамъ не нужно?» — И конечно не нужно: баба не деньга, никто ее не возьметъ. Послѣ долгаго спора бурятъ все-таки остался при своемъ. Понятно, что съ такими часовыми и конвойными арестантамъ свободнѣе. А вотъ и другой случай, происшедшій нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Иркутскѣ. Сидѣлъ тамъ въ тюрьмѣ еврей, какъ оказалось, мастеръ своего дѣла; стоворился онъ, въ одинъ прекрасный вечеръ, съ караульными казаками, и сообща они устроили слѣдующую штуку. Ка-

заки достали еврею франтовской костюмъ и условились выпустить его изъ тюрьмы съ тѣмъ, чтобы онъ ѣхалъ на балъ въ дворянское собраніе, гдѣ должно было быть все мѣстное начальство, и потомъ подѣлился съ ними добычей. Еврей отправился въ собраніе, вынулъ у прокурора около ста рублей денегъ, у предсѣдателя губернскаго правленія тоже, у главнаго мѣстнаго начальника часы, вообще облегчилъ карманы многихъ веселившихся на балу лицъ, преимущественно дамъ и хотѣлъ уже отправиться домой, то есть въ тюрьму, какъ вдругъ въ дверяхъ останавливаетъ его другой еврей, жившій на волѣ, и говоритъ ему, что онъ его узналъ, удивился, какимъ образом попалъ онъ изъ острога въ собраніе, видѣлъ все его продѣлки на балу и въ заключеніе требовалъ дѣлежа приобрѣтеннымъ, подъ угрозой, въ противномъ случаѣ, сейчасъ же выдать его полиціи. Тотъ сунулъ ему нѣсколько часовъ и другихъ вещей, и уѣхалъ. Въ это самое время его превосходительство хватился своихъ часовъ. Тотчасъ же заперли двери, и полиція принялась всехъ обыскивать; у еврея нашли часть краденыхъ вещей, и тотъ, думая выпутаться, выдаетъ товарища, сказавъ, отъ кого и какъ получилъ ихъ. Полиція тотчасъ же бросилась въ тюрьму, пріѣзжаетъ и спрашиваетъ: все ли арестанты на лицо. Караулъ отвѣчаетъ, что все. «А такой-то еврей?» — Здѣсь. Отправилась полиція въ секретный номеръ, гдѣ этотъ еврей сидѣлъ, и увидѣла тамъ челоуѣка, лежащаго на нарахъ, въ арестантскомъ платьѣ. «Ты такой-то?» спросилъ старшій полицейскій. — «Я». Походила, походила полиція по острогу и, собираясь уже ѣхать съ докладомъ, что ничего не нашла, вышла изъ тюремныхъ воротъ. Въ это самое время къ воротамъ подъѣзжаетъ лихачъ-извозчикъ съ пьянымъ сѣдокомъ. Полиція удивилась, кто можетъ пріѣхать въ тюрьму ночью и пьяный, и направилась къ извозику; сѣдокъ, увидя это, выбросилъ разныя вещи на дорогу, но полиція это замѣтила и догадалась, въ чемъ дѣло. Сѣдокомъ оказался еврей, котораго искали и который очищавъ карманы въ собраніи, да дернула его нелегкая, говорили арестанты, заѣхать изъ собранія въ кабакъ, напиться и подкатить къ острогу именно въ то мгновеніе, когда оттуда выходила полиція.

Второй доходъ артели составляютъ деньги, платимыя водоносами. Этотъ доходъ я замѣтилъ только въ иркутской тюрьмѣ. На эту должность также бываютъ ежемѣсячные торги, и право носить на весь острогъ воду остается за двумя арестантами, болѣе другихъ набившими цѣну. Съ перваго разу можетъ показаться страннымъ, что за особенное удовольствіе носить цѣлый день воду, чтобы ежемѣсячно платить за него нѣсколько рублей. Но дѣло вотъ въ чемъ. Арестанты носятъ воду изъ рѣки Ушаковки, которая находится саженьхъ въ

трехъ стахъ отъ острога; такъ какъ на острогъ нужно много воды, то они носятъ ее почти цѣлый день, и по дорогѣ за острогомъ встрѣчаютъ довольно много прохожихъ, изъ которыхъ каждый что нибудь подастъ имъ, а кто хочетъ пройти мимо, не подавъ ничего, они обращаются къ нему съ просьбой, такъ что часто и съ такого прохожаго получаютъ. Этими сборами они приобрѣтаютъ порядочную сумму, такъ что имѣютъ выгоды платить въ артель. Цѣны за право носить воду стоятъ обыкновенно отъ 2 до 3 рублей, а въ мѣсяцы, когда много праздниковъ, особенно во время Святой, доходятъ до 7 рублей и болѣе.

Третій источникъ артельныхъ доходовъ составляетъ подаваніе. Подаютъ большею частію крестьяне, мѣщане и купцы, или деньгами, или припасами, большею частію молокомъ, булками или рыбой. Но въ послѣднее время этотъ доходъ значительно уменьшился. Здѣсь кстати замѣчу, что вообще въ Россіи больше подаютъ арестантамъ, чѣмъ въ Сибири. Въ Сибири, напримѣръ, испортились у купца какіе нибудь припасы — куда ихъ дѣть? Онъ и шлетъ ихъ въ острогъ: арестанты-моль съѣдятъ. И дѣйствительно, арестанты съѣдятъ; иногда впрочемъ и они, не смотря на крайнюю невзыскательность, отказываются отъ такихъ продуктовъ и выкидываютъ ихъ.

Если поданныхъ припасовъ много, ихъ дѣлятъ между арестантами, а если мало, продаютъ съ аукціона, и вырученныя деньги поступаютъ въ артель. Денежныя пожертвованія, по мѣрѣ накопленія въ кружкахъ также передаются въ артель, которая на рукахъ у старосты. Когда артельныхъ денегъ (отъ подаваній, майданчиковъ и проч.) накопится довольно, староста поровну дѣлитъ ихъ между арестантами, при чемъ получаютъ только тѣ, которые давно уже сидятъ въ тюрьмѣ, такъ что большая часть дѣлимой суммы накопилась при нихъ. Новички, то есть недавно (недѣли двѣ, три) попавшіе въ острогъ, въ этомъ раздѣлѣ не участвуютъ; за то въ будущемъ дѣлежѣ они уже имѣютъ право на свою часть.

Старость, о которыхъ я сейчасъ упомянулъ, бываетъ двое: пересильный и подсудимый, оба по выбору арестантовъ. Они служатъ предъ начальствомъ какъ бы представителями арестантовъ и надзирателями за ними и часто отвѣчаютъ за вины послѣднихъ, особенно если виноватыхъ не разыскано. Они должны принимать приносимое подаваніе и дѣлить его между арестантами, назначать арестантовъ на работу смотря по тому, сколько челоуѣкъ начальство требуетъ, и отвѣчать за порядокъ между ними. Вообще староста пользуется нѣкоторымъ уваженіемъ своихъ и вниманіемъ начальства. Онъ обязанъ угождать и арестантамъ, и начальству, такъ что находится въ довольно затруднительномъ положеніи; поэтому арестанты выбираютъ въ

старосты обыкновенно людей бывалыхъ, прошедшихъ сквозь огонь, воду и мѣдныя трубы.

При каждомъ острогѣ есть баня, которая топится по субботамъ и кромѣ того иногда наканунѣ отхода пересыльной партіи. Бани тѣсны и грязны. Въ углу стоятъ двѣ большія кадки, одна съ холодной водой, другая съ горячей, которую грѣютъ на кухнѣ; и ту и другую воду баньщики должны носить ежеминутно, одну со двора, другую изъ кухни, потому что воду изъ кадокъ быстро вычерпываютъ моющіеся. Особенныхъ печей и трубъ для воды, какъ и при обыкновенныхъ баняхъ, ни въ одномъ сибирскомъ острогѣ нѣтъ.

Есть при острогахъ и больницы, которыя имѣютъ важное значеніе для арестантовъ. Живя постоянно въ душливой атмосферѣ, подвергаясь различнымъ лишеніямъ, арестанты часто бываютъ больны и, не смотря на всю нелюбовь къ больницамъ, все-таки принуждены ложиться въ нихъ. Господствующія между арестантами болѣзни: венерическая, ревматизмы и цынготная. Особенно трудно лечить цынготную, потому что воздухъ въ больничныхъ палатахъ, хотя и лучше чѣмъ въ обыкновенныхъ арестанскихъ камерахъ, но все таки дурень. Арестанты большею частію довольны тюремными докторами, но нѣкоторые изъ нихъ при леченіи бываютъ стѣсняемы тюремными комитетами, наприм., въ Иркутскѣ тюремный комитетъ отпускаетъ чрезвычайно скудныя средства на лекарства и содержаніе больныхъ, такъ что вслѣдствіе этого и пища у больныхъ хуже, и выборъ лекарствъ гораздо меньше, чѣмъ въ другихъ городахъ. Говорятъ, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ комитетъ начелъ на одного доктора около ста кружекъ молока, которыя тотъ прописалъ въ продолженіи года для больныхъ, сверхъ ассигнованныхъ комитетомъ, и требовалъ, чтобы докторъ заплатилъ за нихъ. При такомъ стѣсненіи со стороны комитета, докторъ самъ невольно стѣсняетъ арестантовъ и лечитъ ихъ не тѣми лекарствами, какими бы слѣдовало, а тѣми, какія есть и какія отпущены комитетомъ.

Въ остальныхъ тюремныхъ больницахъ, по губернскимъ городамъ Сибири, содержаніе довольно сносное, несравненно лучше иркутскаго, и доктора не стѣснены въ выборѣ лекарствъ. Вообще въ больницахъ этихъ арестантъ отдыхаетъ отъ жизни, которую онъ велъ въ тюрьмѣ, будучи здоровымъ.

Наконецъ, при каждомъ губернскомъ острогѣ есть церковь и при ней, какъ водится, состоитъ священникъ съ причтомъ. На содержаніе церкви, священника и причта отпускаются деньги изъ казны. Арестанты не отличаются усердіемъ къ молитвѣ, и рѣдко ходятъ въ церковь; они какъ-то враждебно смотрятъ на духовенство и вообще равнодушны къ религіи, и вспоминаютъ о ней только разъ въ годъ,

во время говѣнія, но невѣрующихъ между ними встрѣчается очень мало, потому что и образоваться имъ трудно, такъ какъ арестанту не до разсужденія о религіозныхъ истинахъ.

Тюрьмы часто посѣщаетъ разное начальство, какъ-то: члены тюремнаго комитета, прокуроръ, полиціймейстеръ и проч. «Зачѣмъ они ходятъ въ острогъ!» говорятъ про нихъ арестанты. И дѣйствительно, большею частію, за немногими исключеніями, появленіе ихъ въ острогъ совершенно бесполезно. Приходитъ ли членъ комитета, часто милліонеръ-золотопромышленникъ, заходитъ въ больницу. Какойнибудь трудно-больной говоритъ ему: ваше в-діе, окажите божескую милость, нельзя ли чайку? — Пей, если хочешь, а я тебѣ дать не могу: у меня денегъ не хватитъ всѣмъ давать. Намекнетъ ли больной на дурную пищу, тотъ или промолчитъ, или еще докажетъ ему, что пища хороша, что онъ и такой не стоитъ и за такую долженъ благодарить начальство.

Приходитъ ли прокуроръ, арестантъ спрашиваетъ: ваше в-діе, гдѣ мое дѣло, скоро ли кончится? явите божескую милость! сколько лѣтъ сижу. — У тебя есть билетъ (а иногда и этого нѣтъ), говоритъ прокуроръ: — тамъ написано, гдѣ дѣло, а когда кончится, тебя вызовутъ слушать рѣшеніе. — Тѣмъ дѣло и кончается.

Пріѣзжаетъ ли другое начальство, пройдетъ по острогу, покажетъ свою особу, поглядитъ на все съ высоты величія и, не удостоивъ иногда арестантовъ даже обыкновеннаго вопроса: довольны ли? уѣдетъ. Если же и обойдется милостивѣе и спроситъ довольны ли? то спрашиваетъ это просто по привычкѣ и заранѣе ожидаетъ обыкновеннаго отвѣта: «довольны». Что скрывается за этимъ «довольны», извѣстно только арестантамъ, да отчасти ихъ самому ближайшему начальству.

Арестанты обыкновенно не жалуются. «Довольны» отвѣчаютъ они на всѣ вопросы. Да и на что арестантамъ жаловаться? на дурное помѣщеніе? Въ день посѣщенія особы весь острогъ вымыть, выскобленъ до чиста; воздухъ заранѣе накурень разными благовопіями, арестантамъ роздано чистое бѣлье; дворъ посыпанъ пескомъ какъ въ саду — просто любо-дорого смотрѣть. На пищу? и пища готовится другаго сорта, особенно та, которая подносится на пробу; осматривающій довольствуется ею: не пойдетъ же въ самомъ дѣлѣ рыться по котламъ и разыскивать, что собственно готовится для арестантовъ; онъ пробуетъ, что ему даютъ, и пробуемымъ кушаньемъ остается доволенъ. Жаловаться на притѣсненія начальства? а чѣмъ докажешь? да если бы и были доказательства, для начальства всегда есть возможность ихъ опровергнуть. Это все впрочемъ старая пѣсня. Дѣло въ томъ, что осматривающій почти всегда уѣзжаетъ довольный

тюремнымъ содержаніемъ. Да и какъ въ самомъ дѣлѣ не быть довольнымъ: въ камерахъ чисто, дворъ чистый, пища хорошая, а арестанты, хотя и смотрятъ не совсѣмъ весело, ну да вѣдь извѣстно, каторжныя, разбойничьи рожки; за то по крайней мѣрѣ чисто одѣты и дружно кричатъ: — здравія желаемъ. Чего же еще?

Еще недавно произошелъ такого рода случай. Приѣхала важная особа. Ждали ее въ одномъ изъ сибирскихъ остроговъ, все какъ слѣдуетъ вымыли, вычистили, посыпали пескомъ дворъ, одѣли арестантовъ въ чистое бѣлье, приготовили хорошую пищу, научили арестантовъ называть его ваше сіятельство, однимъ словомъ, распорядились всѣмъ, чѣмъ слѣдуетъ, для приѣма важной особы. Особа приѣхала, прогулялась по острогу, въ сопровожденіи длиннѣйшей свиты, наслушалась криковъ: «здравія желаемъ, ваше —ство», «всѣмъ довольны, ваше —ство» и т. п., однимъ словомъ, все шло какъ по маслу: вдругъ угораздило какого-то арестанта замѣтить, что его дѣло долго тянуть. Прокуроръ перебилъ его и, любезно обращаясь къ особѣ, замѣтилъ: его дѣло, ваше —ство, скоро кончится. Такъ все и кончилось мирно и безмятежно.

Опять повторяю, что есть между лицами, имѣющими соприкосновеніе съ острогомъ, люди искренно принимающіе участіе въ арестантахъ, но многихъ изъ нихъ можно спросить только вмѣстѣ съ арестантами: зачѣмъ они ходятъ въ острогъ?

II.

ЖИЗНЬ ВЪ ДОРОГѢ И НА ЭТАПАХЪ.

Арестантъ, выслушавшій по своему дѣлу рѣшеніе суда, и потому называемый рѣшоннымъ, идетъ обыкновенно изъ города, гдѣ онъ судился, до мѣста своего назначенія, т. е. арестантскихъ ротъ, завода, крѣпости, или рудника—этапнымъ порядкомъ, или вообще говорится просто, по этапу. И это-то путешествіе бываетъ для многихъ несравненно хуже каторги. Большинство арестантовъ идетъ изъ дальнихъ российскихъ губерній, и имъ приходится идти до мѣста назначенія года два, а въ случаѣ болѣзни и остановокъ по больницамъ — и всѣ три года. Есть примѣры, что иные арестанты идутъ года четыре или пять лѣтъ, и я знаю даже одинъ примѣръ, когда арестантъ дошелъ до Иркутска только на восьмой годъ, а пока онъ прибудетъ въ заводъ, его путешествію минуть и всѣ восемь лѣтъ.

Этапныя зданія устроены по всѣмъ почтовымъ дорогамъ, а главнымъ этапнымъ трактомъ считается такъ называемый Московскій. Онъ идетъ изъ Петербурга на Москву, Владиміръ, Нижній Новго-

роль, Казань, Пермь, Екатеринбургъ, продолжается по Сибири, на Тюмень, Тобольскъ, Тару, Кашинскъ, Кольвань, Томскъ, Марьинскъ, Ачинскъ, Красноярскъ, Канскъ, Нижнеудинскъ и Иркутскъ. Всѣ губерніи пересылаютъ сначала всѣхъ арестантовъ рѣшonychъ въ Сибирь, въ ближайшій отъ нихъ городъ на московскомъ трактѣ, гдѣ они остаются до прохода черезъ городъ партіи изъ Москвы, и тогда уже присоединяются къ этой партіи и слѣдуютъ вмѣстѣ съ нею. Первый городъ, куда пересылаютъ всѣхъ арестантовъ, которые должны идти по московскому тракту—Петербургъ; сюда приводятъ изъ Финляндіи, Остзейскихъ губерній, Псковской и Олонецкой. Здѣсь формируется Московская партія, состоящая и изъ лишенныхъ всѣхъ правъ, идущихъ въ Сибирь въ каторжныя работы или на поселеніе, и изъ лишенныхъ нѣкоторыхъ правъ, идущихъ туда же на житье или въ Новгородскія арестантскія роты, или и вовсе не лишенныхъ правъ, пересылаемыхъ просто административныхъ порядкомъ на родину, большею частію за просрочку паспортовъ и мелкое или недоказанное воровство. Здѣсь идутъ всѣ вмѣстѣ и мужчины и женщины — всѣ, кому дорога по московскому тракту. Назначенные въ новгородскія арестантскія роты сдаются въ Чудовъ (на станціи желѣзной дороги) новгородскимъ солдатамъ; пересылаемые на родину оставляются въ томъ мѣстѣ московскаго тракта, откуда они должны свернуть въ свой городъ или деревню.

Къ московской партіи, вышедшей изъ Петербурга, присоединяются въ Москвѣ всѣ присланные туда изъ окрестныхъ губерній и которые тоже должны слѣдовать по московскому тракту, такъ что изъ Москвы часто выходитъ партія человекъ въ двѣсти и болѣе. Такимъ образомъ эта партія продолжаетъ двигаться все дальше и дальше и вездѣ по городамъ на пути или сдаетъ или большею частію принимаетъ новыхъ арестантовъ. Послѣ Москвы наибольшее число арестантовъ присоединяется къ партіи въ Казани и Перми.

Партія, вышедшая изъ Петербурга и постепенно все увеличивавшаяся, приходитъ въ Тобольскъ на шестой мѣсяцъ, и число арестантовъ въ ней доходить обыкновенно до 300, а иногда и до 400 слишкомъ. Тобольскъ имѣетъ для арестантовъ важное значеніе. Здѣсь находится приказъ о ссыльныхъ, опредѣляющій, въ какую сибирскую губернію какой арестантъ долженъ слѣдовать на поселеніе или въ работы, смотря по приговору; здѣсь партіи разсортировываются, просматриваются всѣ старыя статейныя и партіонныя списки и вмѣсто нихъ выдаются новыя.

Статейный списокъ составляется о каждомъ арестантѣ; въ немъ помѣщается, кто онъ, откуда, за что судился, къ чему приговоренъ и вообще дѣлается коротенькая выписка изъ его слѣдственнаго дѣла; здѣсь

же помѣщается, сколько при немъ идетъ собственныхъ денегъ и казенныхъ вещей. Статейные списки отправляются обыкновенно изъ мѣстъ ихъ отправленія (а составляются они тамъ, гдѣ арестантъ судился) прямо по почтѣ въ Тобольскъ. Въ партіонныхъ спискахъ стоитъ только имя арестанта, его примѣты, мѣсто назначенія и списокъ казенныхъ вещей; эти списки идутъ при партіи.

Всѣмъ препровождаемымъ арестантамъ выдается казенное платье, а именно: шапка, обыкновенной арестантской формы, халатъ съ бубновымъ тузомъ, какъ говорятъ арестанты (потому что на спинѣ сибирскихъ халатовъ вставляется желтый четырехугольникъ); на спинѣ халатовъ выставляются также начальныя буквы той губерніи, гдѣ онъ выданъ, штаны, кожаная обувь, бывающая разнаго рода и зимою тулупъ. Кромѣ того на каторжныхъ наколачиваютъ казенные кандалы; объ этомъ впрочемъ послѣ.

Въ Сибири казенныхъ вещей выдаютъ арестантамъ обыкновенно больше, чѣмъ въ Россіи; тамъ арестанты получаютъ зимою, вмѣсто обыкновенной шапки, треухъ (особеннаго рода головная покрывка, похожая отчасти на башлыкъ, только безъ длинныхъ концовъ), халатъ такой же, какъ и въ Россіи, штаны, варежки и сверху кожаныя рукавицы, двѣ рубахи, двое подштанниковъ, бродни (особаго рода сапоги), лѣтомъ какую-то блузу неопредѣленной матеріи, а зимою тулупъ и суконныя онучи (портянки). Женщины получаютъ казенныя суконныя юбки и другія принадлежности туалета. Треухъ, халатъ и штаны бывають обыкновенно изъ сѣраго сукна, низшаго сорта; бѣлье изъ самаго толстаго холста. Бродни не отличаются доброю товара; они дѣлаются такимъ образомъ: средняя часть сапога готовится изъ черной толстой кожи; къ ней пришивается голенище изъ бѣлой и уже гораздо тоншей кожи; подошва готовится изъ такой же кожи какъ и голенище, и способъ ея прикрѣпленія составляетъ главную оригинальность бродней: кожаная подошва кладется на свое мѣсто, какъ слѣдуетъ, но края ея заворачиваются на верхъ, пальца на два и болѣе и уже тутъ закрѣпляются. Обувь, выдаваемая въ Петербургѣ, называется «коты» и похожа на обыкновенныя глубокія калоши, но твердостію напоминаетъ скорѣе желѣзо, чѣмъ кожу. Впрочемъ эти коты довольно прочны.

Арестантъ, если у него изнашивается какая нибудь часть казеннаго туалета, можетъ представить ее въ первомъ губернскомъ городѣ и взаменъ ея получить новую, но только онъ обязанъ непременно представить остатки старой вещи для удостовѣренія, что она дѣйствительно изнасилась. Это правило установлено для того, чтобы арестанты не продавали казенной одежды, получая ее въ каждомъ губернскомъ городѣ, но оно рѣшительно не достигаетъ своей цѣли, не смо-

тря на то, что обыкновенно арестантъ, не представившій старой, выданной ему прежде вещи, подвергается тѣлесному наказанію. Арестанты, какъ въ Россіи, такъ и въ Сибири, постоянно продаютъ разныя части казеннаго туалета и многіе соглашаются жертвовать спинами только бы получать одежду въ каждомъ городѣ и опять продавать ее. Обыкновенно арестантъ отвѣчаетъ, что или у него украли ее, или онъ потерялъ ее или проѣлъ. Первое и третье дѣйствительно часто бываетъ. Что арестанты крадутъ другъ у друга, что только возможно, это уже извѣстно, но многіе, которые умѣли сберечь свою одежду, часто продаютъ ее, чтобы добыть денегъ и эти деньги прибавляютъ къ казеннымъ кормовымъ. И дѣйствительно поэтому многіе арестанты совершенно справедливо говорятъ, что они проѣли одежду.

Такимъ образомъ въ каждомъ губернскомъ городѣ, арестанты заявляютъ, что у кого пропало или износилось изъ одежды, и хотя многіе изъ нихъ получаютъ извѣстное количество розогъ, но такъ какъ, особенно зимой, идти безъ тулупа или другаго какого платья нельзя, то все-таки всѣ получаютъ требуемыя казенныя вещи, которыя часто тутъ же и продаютъ. Покупаютъ ихъ или нѣкоторые изъ арестантовъ же, занимающіеся при случаѣ торговлей, или тюремные солдаты или наконецъ крестьяне по деревнямъ, у которыхъ все, и арестантская одежда, идетъ въ дѣло. Цѣны на казенную одежду стоятъ обыкновенно очень низкія и зависятъ отъ доброты вещи. Тулупъ бываетъ отъ 60 коп. сер. и доходитъ до 2 и 3 руб., коты — копѣекъ 30 или 40; бродни 30—50 коп., рукавицы кожаныя—20 коп., халатъ—30 к. Если арестантъ проигрался или вообще находится въ нуждѣ, онъ отдаетъ еще дешевле, а умѣющіе продать, кому когда вещь требуется, берутъ и дороже.

Кормовыя деньги даютъ арестантамъ въ разныхъ губерніяхъ различно, но вездѣ наличными деньгами. Жены и дѣти арестантовъ, добровольно слѣдующія въ Сибирь, получаютъ по стольку же казенныхъ кормовыхъ на каждаго члена семьи, какъ и арестанты.

Количество кормовыхъ на каждую губернію утверждается ежегодно, на основаніи забираемыхъ справочныхъ цѣнъ на хлѣбъ и другіе важныя сѣстные припасы; но часто эти цѣны мѣняются, а количество кормовыхъ, какъ было назначено, такъ и остается до конца года, да и само по себѣ и при прежнихъ цѣнахъ бываетъ мало. Но эти деньги даже и въ Сибири не всегда достаточны, тѣмъ болѣе, что дорогой арестанты почти не имѣютъ возможности готовить кушанье въ артели, а каждый долженъ покупать все нужное у деревенскихъ торговцевъ, которыя продаютъ припасы не особенно дешево. Напримеръ на $3\frac{1}{2}$ коп., въ Енисейской и Иркутской губерніяхъ, арестантъ

только и можетъ купить одного хлѣба, а о чашкѣ щей или кускѣ говядины съ этими деньгами трудно и думать.

При отправленіи арестантскихъ партій изъ Тобольска придерживаются уже другаго порядка: женскую партію отправляютъ особо, поселскую (поселенцевъ) особо, и кандалную (каторжныхъ) особо. Въ первой бываютъ всѣ женщины, и каторжныя, и поселенки; она, подобно кандалной, отправляется обыкновенно разъ въ мѣсяць, по мѣрѣ накопленія арестантокъ. Вотъ напр. въ какомъ порядкѣ отправлены были изъ Тобольска партіи съ осени 1862 г.: первая кандалная, за нею три поселскихъ, женская, еще двѣ поселскихъ, вторая кандалная, за нею пять поселскихъ, третья кандалная, еще двѣ поселскихъ, женская, поселская и т. д.

Партіи выходятъ изъ Тобольска разъ въ недѣлю по пятницамъ. При женской партіи идутъ и женатые мужчины; но часто и всѣ эти партіи бываютъ смѣшанныя, т. е. къ каждой изъ нихъ присоединяется нѣсколько человекъ, которые по правилу собственно должны были бы идти съ другой; эти присоединенія дѣлаются уже по выходѣ изъ Тобольска, изъ встрѣчающихся на пути больницъ и городовъ. Приходитъ напр. партія въ городъ или этапъ, гдѣ есть больница, а въ больницѣ есть выздоровѣвшіе арестанты — ихъ тотчасъ же присоединяютъ къ пришедшей партіи, не разбирая, какая партія: тутъ часто кандалнаго присоединяютъ къ женской и т. п.

Изъ Иркутска партіи отправляются три раза въ недѣлю. Во вторникъ пересылаютъ всѣхъ слѣдующихъ въ иркутскій солеваренный заводъ (Усолье) и всѣхъ обратныхъ, т. е. слѣдующихъ назадъ изъ Иркутска (или изъ-за Байкала) по московскому тракту, — большею частию подсудимыхъ, слѣдующихъ для справокъ по разнымъ городамъ, или поселенцевъ, препровождаемыхъ для прописки въ волости. По четвергамъ (но не каждый четвергъ) отправляются всѣ каторжные и поселенцы, слѣдующіе за Байкалъ; они отправляются по мѣрѣ накопленія. По субботамъ отправляютъ всѣхъ слѣдующихъ по якутскому тракту и въ Александровскій винокуренный заводъ.

Всѣ арестанты, слѣдующіе въ Сибирь въ работу, должны быть постоянно закованы въ кандалы, а поселенцы и другія лица, препровождаемые по этапу, прикованы за руку къ общей цѣпи. Въ Россіи, особенно въ столицахъ и около нихъ, этотъ законъ почти всегда соблюдается. Закованные въ кандалы такъ уже и идутъ всю дорогу; остальные же идутъ такъ: одинъ человекъ сковывается правой рукой съ лѣвой рукой другаго; на такія пары раздѣлены всѣ арестанты; кромѣ того каждыя три или четыре пары приковываются къ одной цѣпи, которая начинается въ томъ мѣстѣ, гдѣ скованы руки первой пары, и тянется черезъ всѣ пары, черезъ тѣ же самыя мѣста и тянется до

самой послѣдней, т. е. 4-й или 5-й пары. На сколько это удобно, можетъ судить всякій. У арестантовъ шагъ не равный: одинъ идетъ скорѣе, другой тише и поэтому они другъ друга тянутъ; захотѣлось ли какому арестанту остановиться для встрѣтившейся какой нибудь надобности — всѣ остальные скованные съ нимъ тоже должны остановиться и переждать, а такъ сковываютъ человѣкъ по восьми, десяти и болѣе, и каждому арестанту приходится останавливаться для каждаго изъ товарищей, поэтому среднимъ числомъ каждый дѣлаетъ до десяти остановокъ (самъ для себя и для другихъ).

Въ Сибири прежде употреблялся тотъ же способъ препровожденія, только вмѣсто цѣпи былъ желѣзный пруть и приковывалось къ нему еще большее число паръ, что конечно было еще неудобнѣе, но арестанты ухитрились добиться того, что теперь окончательно перестали употреблять этотъ способъ.

Такъ какъ этапнымъ солдатамъ не составляетъ особеннаго удовольствія водить партіи, то они стараются сбывать ихъ какъ можно скорѣе, чтобы заняться дома другими дѣлами. Арестанты, уже прошедшіе Россію и понабравшіея побольше опытности, поняли это и стали ходить какъ можно тише, потому что для нихъ нѣтъ положенія, сколько верстъ идти въ часъ. Солдаты обыкновенно обращались къ переднимъ арестантамъ—которымъ идти приходилось всѣхъ труднѣе, потому что задніе отставали и тянули цѣпь назадъ—и требовали, чтобы тѣ шли скорѣе. Передніе арестанты объясняли имъ, что имъ тяжело, что они не могутъ идти скорѣе, а если солдаты хотятъ идти скорѣе, то пусть помогаютъ имъ тащить всю партію. Сколько этапные офицеры и солдаты ни горячились — ничего не могли сдѣлать: гдѣ тутъ найти виноватаго, кто тянетъ взадъ пруть? Дѣлать нечего; помаялись они, помаялись, да и перестали употреблять пруть, признавая за нимъ большія неудобства.

Чѣмъ ближе къ Сибири, тѣмъ арестантамъ идти свободнѣе; въ Западной Сибири свободнѣе, чѣмъ въ Россіи, а въ Восточной Сибири еще свободнѣе, чѣмъ въ западной. Правда, что и въ Сибири, въ городахъ, всѣхъ каторжныхъ заковываютъ, а часто и брѣютъ полголовы, особенно въ Иркутскѣ у кандалной партіи, отправляемой за море (Байкаль); но какъ только партія отошла одинъ станокъ (т. е. станцію), арестанты уже начинаютъ мало по малу снимать кандалы и кладутъ ихъ въ мѣшки, а черезъ нѣсколько станцій вся партія идетъ безъ кандаловъ. Этапные офицеры большею частію глядятъ на это сквозь пальцы, потому что они знаютъ, что чѣмъ болѣе дадутъ они льготъ арестантамъ, тѣмъ болѣе могутъ быть увѣрены, что тѣ лучше будутъ вести себя и не сдѣлаютъ у него на этапѣ никакой пакости. И дѣйствительно, арестанты обыкновенно оправды-

ваютъ довѣріе офицеровъ. Подходя къ городу, особенно къ губернскому, партія на послѣднемъ станкѣ надѣваетъ снятые кандалы и по формѣ входитъ въ городъ. Поселенцы же въ Сибири никогда не заковываются, тогда какъ въ Россіи это бываетъ сплошь и рядомъ.

Партія, по формѣ, идетъ обыкновеннымъ образомъ: впереди нѣсколько этапныхъ солдатъ съ ружьями и примкнутыми штыками; за ними слѣдуютъ рядами арестанты; сзади и по бокамъ ихъ также идутъ солдаты съ ружьями; за партіей ѣдутъ подводы съ большими арестантами, дворянами, пересылающимися на житье въ сибирскія губерніи, и наконецъ съ мѣшками, въ которыхъ находится арестантское имущество; при этихъ подводахъ тоже идетъ нѣсколько солдатъ. Тутъ же ѣдетъ при партіи и этапный офицеръ. Но на самомъ дѣлѣ, особенно въ Восточной Сибири, партіи никогда не придерживаются такого порядка. Офицеры часто не ѣздятъ провожать партій, поручая это унтеръ-офицерамъ, партія не строится въ порядкѣ, а идетъ какъ попало, многіе солдаты или сами садятся на подводы или складываютъ на нихъ ружья, а за Байкаломъ случается такъ, что партія уже четверть часа ушла съ этапа по дорогѣ, а конвойные казаки только что собрались и думаютъ догнать ее, а партія между тѣмъ идетъ одна. Что большую партію, человѣкъ во 100, сопровождаютъ трое или четверо казаковъ—за моремъ явленіе не рѣдкое.

Обыкновенно же, особенно въ Западной Сибири, партію провожаютъ человѣкъ десять, двѣнадцать, а иногда и 24, смотря по тому, большая ли партія и притомъ кандалная или женская или поселская. Солдаты часто говорятъ, что лучше всего ходить съ кандалной партіей, потому что тутъ хотя и опасно, чтобы кто не убѣжалъ, но въ остальныхъ отношеніяхъ совершенно спокойно: «кандалный службу, порядки знаетъ, идетъ скоро, по сторонамъ не расходится; а вотъ если ведешь женскую партію — чистая бѣда, особенно лѣтомъ: идутъ тихо, разбѣгаются по сторонамъ дороги собирать ягоды — просто мученіе». Такъ отзываются о женской партіи впрочемъ люди положительные, дорожащіе временемъ и службой.

Арестантская партія проходитъ въ день обыкновенно отъ 15 до 30 верстъ, смотря по станку; въ Сибири станки часто бываютъ верстъ въ 35 и 36. По всему московскому тракту отъ Москвы до Иркутска устроены такъ называемыя этапныя и полуетапныя зданія. (Такъ какъ теперь арестантовъ до Нижняго Новгорода препровождаютъ по желѣзной дорогѣ, то на этомъ пространствѣ этапныя зданія упряднены). Этапное зданіе находится черезъ каждыя два станка, а между двумя этапными зданіями стоитъ одно полуетапное. Выходитъ напр. партія изъ города Тобольска, утромъ, идетъ станокъ 34 версты и приходитъ такимъ образомъ въ тотъ же день, т. е. въ пятницу, въ

деревню Бакшееву, гдѣ стоитъ полуэтапъ, небольшое зданіе, устроенное для ея ночлега. На другое утро, т. е. въ субботу, партія выходитъ изъ Бакшеевой, или, что все равно, съ полуэтапа, проходить новый станокъ въ 27 верстѣ и приходитъ уже въ село Старый Погостъ, гдѣ устроено этапное зданіе; здѣсь партія проводитъ остатокъ субботы, живетъ (днюетъ, какъ называется) все воскресенье и выходитъ съ этапа уже въ понедѣльникъ утромъ, дѣлаетъ станокъ въ 30 верстѣ, приходитъ на полуэтапъ (въ деревню Копотилову); на слѣдующее утро, т. е. во вторникъ выходитъ съ полуэтапа, дѣлаетъ станокъ въ 33 версты и приходитъ на этапъ (въ д. Дресвянку), гдѣ днюетъ всю среду, и уже въ четвергъ идетъ далѣе. Такимъ образомъ партія идетъ все дальше и дальше, кочуя на полуэтапахъ и дѣлая дневки на этапахъ, т. е. черезъ каждые два станка или два дня ходу. Этапныя и полуэтапныя зданія бывають обыкновенно въ тѣхъ же деревняхъ, гдѣ находятся почтовые станціи; впрочемъ не всегда.

Полуэтапъ представляетъ всегда небольшое зданіе, выкрашенное казенной, т. е. желтой краской, съ дворомъ и одними воротами; направо отъ воротъ стоитъ избушка для приведшихъ партію солдатъ и офицера; посреди небольшого дворика находится другая избушка, немного побольше первой; это избушка для арестантовъ. Весь дворъ обведенъ по обыкновенію частоколомъ или тыномъ, т. е. довольно высокими, толстыми и вверху остроконечными бревнами, вбитыми стойкомъ, одно возлѣ другаго. Избушка для арестантовъ подраздѣляется еще на нѣсколько клѣтушекъ; во всѣхъ нихъ вообще можетъ помѣститься только человекъ 30 или 40, тогда какъ въ нихъ проводятъ полдня и ночуютъ партіи человекъ во сто, а иногда двѣсти и болѣе, такъ что арестанты спятъ и на нарахъ, и подъ нарами, и на полу въ проходахъ, и въ корридорѣ; а иногда даже, не смотря на погоду, на дворѣ. Воздухъ въ этихъ клѣтушкахъ дѣлается невыносимъ уже черезъ полчаса по приходѣ партіи; можно себѣ представить качество его ночью или къ утру, когда партія уходитъ, на полуэтапѣ остается только сторожъ, живущій тамъ или одинъ или вмѣстѣ съ женою (начальство Западной Сибири вообще поощряетъ браки солдатъ). На слѣдующей недѣлѣ, въ тотъ же самый день, приходитъ новая партія, подъ карауломъ солдатъ предъидущаго этапа, а между тѣмъ на полуэтапѣ ее ожидаютъ новые конвойныя съ слѣдующаго этапа, которые повѣряютъ партію и принимаютъ ее; тогда старшій караулъ уходитъ обратно домой, а новый ведетъ на другое утро партію на слѣдующій, т. е. свой этапъ.

Этапныя зданія, хотя и немного болѣе полуэтапныхъ, но все-таки тѣсны, отчего и воздухъ въ нихъ тоже скоро дѣлается негоднымъ для дыханія. Главное зданіе этапа, выходящее обыкновенно на дере-

венскую улицу, заключаетъ въ себѣ квартиру офицера, кордегардію, т. е. казарму, гдѣ живутъ холостые солдаты и гдѣ находится дежурный, и образную, которая часто обращается въ канцелярію или жилище писаря. Отъ этого зданія идетъ кругомъ частоколъ, огораживающій дворъ: кромѣ того, часто дворъ раздѣляется на двѣ части заборомъ, на дворъ офицерскій и на дворъ арестантскій. На дворѣ стоитъ другое зданіе, назначенное для арестантовъ, и состоящее изъ нѣсколькихъ небольшихъ камеръ; окна въ нихъ, конечно, грязныя и съ рѣшетками. На ночь арестантовъ повѣряютъ и потомъ запираютъ. Караулъ стоитъ постоянно, какъ на этапѣ, такъ и на полуэтапѣ. Въ другомъ углу двора стоитъ баня, большею частію только для формы и къ употребленію негодная. Кромѣ того, на дворѣ находятся разные сараи и конюшни, принадлежащія офицеру.

Этапные офицеры живутъ на своихъ этапахъ большею частію изрядно. Большинство ихъ недалекаго образованія, имѣютъ хозяйство, лошадей, коровъ и разныхъ домашнихъ животныхъ, ѣдятъ хорошо, спятъ вдоволь, и доходы есть. Но говоря о доходахъ, нельзя не упомянуть объ этапныхъ писаряхъ, которые, какъ и вообще въ Россіи писаря, весьма часто орудуютъ дѣлами вмѣсто своихъ начальниковъ. Если вы имѣете какую нибудь нужду до офицера, стоитъ только обратиться къ писарю «съ приношеніемъ», а не то онъ и самъ вызовется на услуги.

Въ западной Сибири на каждомъ этапѣ есть офицеръ, а въ восточной, гдѣ и этапы устроены гораздо хуже и стоятъ полуразвалившіеся, офицеровъ мало и ихъ мѣста занимаютъ обыкновенно казачьи урядники.

За Байкаломъ этапныя зданія еще меньше и несравненно хуже, чѣмъ по сю сторону Байкала, и уже строены не по формѣ, а представляютъ просто видъ избушекъ. Помѣщеніе въ нихъ такъ тѣсно, что многіе изъ партіи, версты за пять до этапа, начинаютъ ускорять шагъ, а за три версты уже бѣгутъ бѣгомъ (казачи имъ не мѣшаютъ), чтобы прежде другихъ занять хорошія мѣста. Остальные арестанты должны часто ночевать на дворѣ этапа.

Всѣхъ солдатъ подвѣдомственныхъ офицеру на каждомъ этапѣ полагается 28, въ томъ числѣ унтеръ-офицеръ и писарь. Семейные солдаты имѣютъ свои дома въ деревнѣ, гдѣ и живутъ, а холостые помѣщаются въ кордегаріи. Вооружены они ружьемъ, обыкновенно кремневымъ. Теперь, впрочемъ, начинаютъ на этапахъ старыя ружья замѣнять новыми.

Жалованье солдатамъ дается обыкновенное, около 3-хъ рублей въ годъ, но если въ цѣлый годъ съ какого этапа не случилось ни одного побѣга, то всѣмъ солдатамъ и офицеру этого этапа выдается въ на-

граду годовое жалованье. За побѣгъ съ этапа или съ дороги изъ-подъ конвоя, всѣ солдаты того этапа, съ котораго былъ караулъ, лишаются этой награды, а если бѣжалъ каторжный, то нѣкоторые изъ виновныхъ часто предаются суду. Въ восточной Сибири побѣги бывають чаще, особенно за моремъ, и тамъ казаки не подвергаются за это особенно строгой отвѣтственности, потому что часто совершенно невозможно, особенно лѣтомъ, небольшому караулу усмотрѣть за большой партией.

Иногда арестантовъ препровождаютъ и посредствомъ сельскихъ карауловъ, если заводъ, напримѣръ, въ сторонѣ отъ тракта; такъ въ Николаевскій желѣзодѣлательный заводъ сельскіе караулы провожаютъ арестантовъ 230 верстъ, отъ самой Тулуновской станціи, находящейся на большомъ московскомъ трактѣ.

Такимъ образомъ, какъ я уже сказала, арестантъ проходить этапъ, т. е. два станка въ три дня; этого довольно, но при громадности разстоянія, которое арестантъ долженъ пройти, путешествіе его до мѣста назначенія продолжается всегда очень долго. Изъ Москвы, напр., до Тобольска партія идетъ пять мѣсяцевъ, а изъ Финляндіи, Кавказа и другихъ дальнихъ мѣстъ еще долѣе. Отъ Тобольска до Иркутска шесть мѣсяцевъ; отъ Иркутска до Нерчинска около двухъ мѣсяцевъ. Надобно замѣтить, что кромѣ этого срока арестанты всегда почти по нѣскольку недѣль живутъ въ Москвѣ, Тобольскѣ и Иркутскѣ, пока тамъ накопится достаточное число ихъ, чтобы отправить партію; преимущественно долго ждуть женщины и кандалные.

Кромѣ того партіи задерживаютъ весновки и осеновки, т. е. время разлитія рѣкъ весною и время замерзанія зимою. Подобныя остановки иная партія встрѣчаетъ нѣсколько разъ, смотря по тому, въ какое время года выйдетъ съ мѣста. Въ Сибири рѣкъ много и разливаются они на большое пространство; напримѣръ, Обь, въ Тобольской губерніи, разливается на нѣсколько десятковъ верстъ и стоитъ въ такомъ видѣ очень долго; въ 1862 году она задержала партіи на 13 недѣль, въ продолженіи которыхъ черезъ нее нельзя было переправиться. Осенью также долго нельзя переправляться черезъ рѣки, пока онѣ окончательно не стануть.

Партія идетъ обыкновенно покуда можно, и веснуетъ или осенюетъ на этапѣ, уже передъ тѣмъ мѣстомъ, куда идти дальше нельзя; останавливаясь тамъ, она тотчасъ же даетъ знать объ этомъ по всѣмъ этапамъ, чтобы вездѣ было пріостановлено отправленіе партій, потому что иначе одна партія можетъ нагнать другую, а на этапѣ и одна-то помѣщается съ трудомъ. Въ это время всѣ партіи передъ разлившейся рѣкою останавливаются; идутъ только тѣ, которые ранѣе успѣли переправиться черезъ нее, но и тѣ скоро останавливаются пе-

редь какой нибудь другой рѣкой. Отъ Красноярска до Иркутска весновки и осеновки рѣдко мѣшаютъ движенію партій, потому что тамъ нѣтъ большихъ рѣкъ, кромѣ Ангары подъ Иркутскомъ.

Такимъ образомъ до Нерчинска арестанты доходятъ года въ полтора, но это только до Нерчинска: тамъ нужно ждать назначенія отъ горнаго правленія въ заводъ или рудникъ, да еще путешествовать въ него. Наконецъ, почти нѣтъ возможности идти болѣе полутора года во всякое время, и въ морозъ и въ слякоть, особенно въ арестантской одеждѣ, и ни разу не заболѣть. И дѣйствительно, ни одинъ почти арестантъ не доходитъ до мѣста, не пролежавъ нѣскольکو времени, а иногда и очень долго, въ какой нибудь больницѣ.

Кромѣ городовъ, больницы устроены черезъ каждые три этапа при четвертомъ, подъ управленіемъ фельдшеровъ. Обыкновенно худшими больницами считаются въ Россіи больницы въ уѣздныхъ городахъ, но этапныя больницы несравненно хуже и тѣхъ. Только изрѣдка попадаютъ немного свѣдущіе фельдшера. Главнѣйшими болѣзнями, съ которыми ложатся арестанты въ больницы, бываютъ венерическія и простудныя. Венерическія бываютъ или старыя, занесенныя изъ Россіи, или новыя, полученныя уже въ Сибири, потому что эта болѣзнь развита въ Сибири не между одними инородцами, но и между русскими. Простудныя болѣзни пріобрѣтаются арестантами болѣею частію во время пути, что и весьма естественно.

Пролежавъ, такимъ образомъ, въ больницахъ, да прождавъ въ городахъ, арестантъ часто приходитъ въ заводъ на третій или на четвертый годъ своего путешествія. Я говорилъ уже, что бываютъ примѣры еще длиннѣйшихъ странствій. Не говоря уже о томъ, что это составляетъ громадную потерю времени для самихъ арестантовъ, такое долготѣе странствованіе съ многими испорченными людьми имѣетъ чрезвычайно вредное вліяніе и на дѣтей арестантовъ, которыхъ всегда много идетъ при партіи. Иной отецъ и хотѣлъ бы устранить ихъ отъ этого вліянія, но это онъ можетъ сдѣлать отчасти только на заводѣ, гдѣ будетъ жить одинъ; а дорогой это совершенно невозможно: здѣсь всѣ и хорошіе, и дурные постоянно вмѣстѣ, такъ что дѣти всегда имѣютъ передъ глазами разные дурные примѣры, а три, или даже болѣе, года пути вмѣстѣ съ такими лицами много значатъ для впечатлительныхъ дѣтей.

Съ нѣкотораго времени для арестантовъ сдѣлали большое облегченіе: ихъ стали возить по желѣзнымъ дорогамъ, вездѣ, гдѣ онѣ только проведены, а лѣтомъ въ иныхъ мѣстахъ возить и на пароходахъ. Есть даже проектъ возить ихъ до самаго мѣста, но онъ до сихъ поръ еще не осуществился. Сдѣланъ былъ по проекту большой фургоны, въ которомъ можно было помѣстить 12 человекъ арестантовъ и этотъ

Фургонъ присланъ былъ для пробы въ Иркутскъ. Иркутское начальство поступило весьма здраво, назначивъ въ число экспертовъ и нѣсколько арестантовъ, такъ какъ дѣло шло объ нихъ; въ фургонъ было впряжено 4 лошади; полиціймейстеръ покатался съ арестантами по городу и по окончаніи испытанія арестанты выразили, что хотя это вещь очень полезная, но имѣеть нѣкоторыя неудобства. Во первыхъ, помѣщеніе чрезвычайно тѣсно, такъ что арестантъ какъ сѣлъ, такъ и долженъ, почти не двигаясь, сидѣть всю дорогу; во вторыхъ, помѣщенія для арестантскихъ вещей подъ скамьями чрезвычайно малы, такъ что туда всѣхъ вещей невозможно закинуть. Можетъ быть, эти замѣчанія и не были бы приняты во вниманіе, но явилось еще большее затрудненіе — не находилось подрядчиковъ, которые взялись бы на своихъ лошадяхъ возить постоянно эти фургоны съ арестантами, за цѣны предложенныя казною; всѣ требовали гораздо больше, отъиваясь тѣмъ, что фургонъ очень тяжелъ, такъ что нужно запрягать въ него лошадей по шести, да и тѣ скоро пристанутъ, а въ распутицу, если онъ засядетъ въ грязи, что чрезвычайно легко при его тяжести, не свезешь его съ мѣста и на десяти лошадяхъ.

На томъ дѣло о перевозкѣ арестантовъ на лошадяхъ пока и оставилось.

Будетъ ли составленъ новый проектъ или этотъ будетъ измѣненъ, ничего еще неизвѣстно.

III.

ЖИЗНЬ НА ЗАВОДАХЪ.

Чтобы пѣла, да не ѣла.

Арестантская поговорка.

Заводовъ въ Сибири, на которые посылають арестантовъ, осталось теперь гораздо менѣе прежняго, потому что многіе изъ нихъ закрыты по недостатку руды для производства, а на нѣкоторыхъ работаютъ исключительно вольные рабочіе. Въ Западной Сибири ихъ вовсе нѣтъ. Были въ Тобольской губерніи два завода, но они отданы въ аренду, и арестанты переведены изъ нихъ въ другіе заводы. Въ Томской губерніи, во всемъ Алтайскомъ округѣ работаютъ или приписные крестьяне, которыхъ считается тамъ 145,587 душъ или мастеровые и нижніе чины; въ этихъ послѣднихъ разрядахъ считается 23,463 души. Въ Енисейской губерніи всѣ золотыя промыслы принадлежатъ частнымъ лицамъ. Казенныхъ заводовъ тамъ только одинъ, на которомъ работаютъ арестанты, именно Троицкій соловаренный.

Въ Иркутской губерніи арестанты работаютъ на слѣдующихъ казенныхъ заводахъ: Иркутскомъ и Устькутскомъ соловаренныхъ, Александровскомъ винокуренномъ и Николаевскомъ желѣзодѣлательномъ. Вся масса ссылаемыхъ въ каторжную работу арестантовъ сосредоточивается главнымъ образомъ въ Нерчинскомъ округѣ, Забайкальской области. Здѣсь нѣкоторые работаютъ на золотыхъ приискахъ: Карійскомъ, Шахтаминскомъ, Култуминскомъ, Казаковскомъ, Лукжанкинскомъ и еще нѣсколькихъ; кромѣ того на заводахъ: Кутомаркскомъ сереброплавильномъ и Петровскомъ желѣзодѣлательномъ. Есть еще много сереброплавильныхъ заводовъ, но всѣ они стоятъ безъ дѣйствія.

Всѣхъ ссылокаторжныхъ въ Нерчинскомъ округѣ было въ 1859 году 3,755; теперь число ихъ возрасло до 4,000 слишкомъ. Въ Нерчинскій округъ ссылаются обыкновенно тѣ арестанты, которые по рѣшенію суда назначены въ рудники; работы здѣсь самыя тяжелыя для арестантовъ, которые бѣгаютъ изъ нерчинскихъ заводовъ гораздо чаще, чѣмъ изъ другихъ.

Особенно тяжелое воспоминаніе осталось у всѣхъ арестантовъ о Карѣ и Шахтамѣ. Когда открылся карійскій приискъ, туда отовсюду стади гнать рабочихъ, а зданій для нихъ построено было мало. Лазаретъ былъ небольшой, а число больныхъ доходило одно время до 200 человекъ. Ихъ клали такъ, что въ избушкѣ, гдѣ помѣщался лазаретъ, негдѣ было пройти. Воздухъ былъ удушливый и не очищался, не смотря на большія щели, какъ въ потолкѣ, такъ и въ стѣнахъ избушки. Въ эти щели только осенью лилъ дождь, а зимою валился снѣгъ. На полу стояли отъ дождя лужи. Можно себѣ представить, каково было въ этихъ лазаретахъ зимою, при сибирскихъ морозахъ.

Въ такомъ же родѣ воспоминаніе осталось у арестантовъ и о шахтаминскомъ приискѣ. До сихъ поръ еще Кара и Шахтама считаются между арестантами самыми трудными приисками. Знаменитый Акатуевскій рудникъ, бывшій главнымъ мѣстомъ, куда ссылали всѣхъ, кого по приговору слѣдовало приковать къ стѣнѣ, теперь уже закрытъ, и рабъ немѣоты вѣне производится; тамъ есть только родъ богадѣльни, въ которой содержатъ увѣчныхъ и неспособныхъ каторжныхъ.

Теперь, впрочемъ, вездѣ, какъ въ рудникахъ, такъ и на заводахъ, положеніе каторжныхъ стало немного лучше. Но что было тому назадъ лѣтъ пять-шесть, а особенно въ сороковыхъ годахъ — трудно себѣ представить. Не даромъ арестанты чувствуютъ особенное озлобленіе къ этой эпохѣ, которую называютъ по имени одного бывшего тамъ начальника. Это былъ человекъ въ высшей степени жестокой и безчувственный и такихъ же подбиралъ себѣ сослуживцевъ. Онъ ходилъ не иначе, какъ окруженный конвоемъ и не подпускалъ къ

себѣ арестанта ближе нѣсколькихъ сажень — онъ зналъ, какъ они любили его. Рабочимъ задавали большіе уроки, и кто ихъ не выполнялъ, того тутъ же наказывали; эта операція происходила каждый день послѣ работъ. Арестанты работали съ ранняго утра до вечера.

Теперь работы хотя и легче и содержаніе арестантовъ лучше, но все-таки оно крайне недостаточно. Иные изъ рабочихъ поплутуютъ находятъ, положимъ, возможность добывать деньги — они крадутъ золото, преимущественно самородки, но вѣдь не всякому можно красть, не всякій съумѣетъ это сдѣлать, да и золота на всѣхъ не достанетъ.

Въ судебныхъ мѣстахъ, по всей восточной Сибири сплошь и рядомъ ведутся дѣла о покражѣ золота фунтами, даже до 30 ф. и болѣе. Бывали случаи, что рабочіе подкапывались подъ заводскія кладовыя и вытаскивали все находившееся тамъ золото — результатъ работы цѣлаго года; но въ такихъ случаяхъ начинались всегда дѣятельные поиски, и пропавшее золото болшею частію находили. Но всѣ эти кражи приходятся на долю немногихъ рабочихъ, которые успѣваютъ иногда счастливо сбыть украденное золото; масса же рабочихъ не имѣетъ возможности красть и находится въ самомъ жалкомъ положеніи; чтобы выйти изъ него, они бѣгаютъ, воруютъ и грабятъ, гдѣ можно.

Въ заводахъ жить арестантамъ немного получше, чѣмъ въ рудникахъ, потому что тамъ и работы не такъ трудны, а главное, каторжные живутъ на свободѣ, а въ нѣкоторыхъ рудникахъ ихъ все еще держатъ по острогамъ. Теперь вездѣ почти рабочимъ задаютъ уроки, сравнительно съ прежними, не очень большіе; рабочій можетъ нанять когонибудь за себя, тамъ какъ хочетъ, и пусть занимается, чѣмъ хочетъ — начальство на это мало обращаетъ вниманія, только бы былъ представленъ урокъ. Этой свободой однако могутъ пользоваться только тѣ, кто имѣетъ деньги и можетъ нанять за себя, масса же, всегда состоящая изъ бѣдныхъ, не имѣетъ возможности нанимать за себя, чтобы въ это время заняться хозяйствомъ или чѣмъ другимъ, а напротивъ, еще сама занимается и такимъ образомъ работаетъ два урока, чтобы добывать деньги. Рабочіе, участвующіе при главныхъ работахъ, т. е. при промывкѣ золота, выковкѣ желѣза и т. п., получаютъ извѣстное число процентовъ съ добытаго пуда, и такимъ образомъ содержаніе ихъ обезпечено, если они только будутъ работать. Но при главныхъ работахъ участвуетъ только небольшой процентъ всѣхъ рабочихъ — остальные занимаются обыкновенными работами, копаютъ руду и т. п. и получаютъ весьма малое содержаніе, деньгами и мукою, на которое трудно быть самому сытымъ, содержать семейство и быть одѣтымъ (арестантамъ въ заводахъ казенной одежды не дается). Конечно, нѣтъ, и рабочій старается всевозможнымъ

образомъ добыть деньги, онъ крадетъ и у казны, и у товарищей, и вездѣ, гдѣ только можно. Но красть у казны могутъ только немногіе. На зометыхъ пріискахъ напр. дѣйствуетъ счастье—кому во время добыванія руды попадетъ самородокъ; такой счастливецъ бросаетъ его, скрытно отъ всѣхъ, въ поле, по извѣстному направленію отъ мѣста работы и замѣчаетъ, гдѣ онъ упалъ; окончивъ заданный урокъ, онъ идетъ, отыскиваетъ брошенный самородокъ и потомъ несетъ его продавать, при чемъ часто попадаетъ съ нимъ и отдѣливается спиною. Не смотря на жестокія наказанія за утайку самородковъ, арестанты никогда почти не носятъ ихъ въ контору завода, хотя она и объявляетъ всегда, что нашедшему самородокъ будетъ платить по 1 р. с. за каждый золотникъ, заключающійся въ немъ. Дѣло въ томъ, что въ конторахъ часто дѣлаютъ злоупотребленія, объявляютъ ложный вѣсъ и за самородокъ въ 60 золотниковъ платятъ 40 рублей, или около этого, говоря, что въ немъ всего только 40 золотниковъ. Поэтому, рабочій, изъ опасенія, что его въ конторѣ обсчитаютъ, соглашается лучше рисковать и продаетъ самородокъ частнымъ лицамъ, тѣмъ болѣе, что на волю за самородки платятъ рубля по два и болѣе за золотникъ. Но самородки попадаются не часто, да и не всѣмъ. Золотой песокъ можно, и то съ большимъ трудомъ, красть при промывкѣ, потому что до промывки онъ смѣшанъ съ большимъ количествомъ земли и красть его неудобно и не особенно выгодно. Но при промывкѣ опять-таки находятся не всѣ рабочіе, да и красть имъ тутъ труднѣе; здѣсь надзоръ сосредоточеннѣе, чѣмъ при копаніи руды. При разработкѣ россыпи арестанты работаютъ на большомъ пространствѣ, часто подъ землею, въ шахтахъ; кто тамъ усмотритъ за ними и начальство должно ограничиваться только обыскиваніемъ ихъ; при промывкѣ же руды всѣ работы производятся на глазахъ множества разныхъ надзирателей, которые если сами иногда и украдутъ, но арестанту не позволяютъ. На желѣзодѣлательныхъ заводахъ могутъ красть желѣзо преимущественно только въ кричной, когда куютъ его. Но всегда и вездѣ всѣми этими краденными матеріалами пользуются только надзиратели и весьма немногіе рабочіе; остальные обкрадываютъ не казну, а только частныхъ лицъ и своихъ товарищей; послѣдніе постоянно опасаются этого, и потому кражи не идутъ имъ въ прокъ: изъ опасенія, чтобы деньги, вырученныя за казенныя вещи, не украли, а главное, чтобы и ихъ при этомъ еще не убили, они сносятъ всѣ деньги въ кабакъ и иногда прямо туда и несутъ украденное, за что получаютъ извѣстное количество водки. Вообще въ заводахъ видна недостаточность казеннаго содержанія, отсутствіе времени и охоты къ частной выгодной работѣ, и вслѣдствіе этого общее и взаимное воровство другъ у друга и вездѣ, гдѣ только можно, часто соединенное съ убійствами.

Устроены заводы обыкновенно довольно плохо. Лучшимъ изъ нихъ на видъ считается Иркутскій солдоваренный и петровскій желѣзодѣлательный; въ первомъ изъ нихъ есть даже нѣсколько каменныхъ зданий; во всѣхъ остальныхъ всѣ постройки деревянные. Въ каждомъ заводѣ есть главная улица, на которой большею частію живетъ все официальное, есть припасные магазины, дома для управляющаго, заводской конторы и нѣкоторыхъ служащихъ чиновниковъ, есть острогъ, иногда еще и гауптвахта, сарай съ пожарными инструментами и казначейство, т. е. небольшая каменная будка, въ которой хранятся капиталы завода. Кромѣ главной есть еще нѣсколько улицъ съ жалкими маленькими деревянными избушками, изъ которыхъ многія разбросаны какъ попало, не образуя улицы; эти избушки принадлежатъ большею частію рабочимъ. Дома немного лучше принадлежатъ торговцамъ, содержащимъ въ заводѣ лавки или нѣкоторымъ изъ служащихъ при заводѣ чиповниковъ. Въ тюрьмѣ, которая есть при каждомъ заводѣ, содержались прежде всѣ рабочіе, а теперь сидятъ только подсудимые, пересылаемые для какихъ нибудь справокъ; кромѣ того сидятъ и рабочіе за пьянство, буйство и вообще разные проступки и преступленія.

Есть при каждомъ заводѣ церковь, а при ней священникъ и дьяконъ, которые служатъ тамъ по праздникамъ обѣдни; а наканунѣ всенощныя, но случается, что молящихся вовсе не приходитъ. Да и всегда въ церкви очень просторно, не смотря на то, что она не велика.

Для поддержанія порядка и для содержанія карауловъ есть въ каждомъ заводѣ небольшая казачья команда, состоящая обыкновенно изъ 26 человекъ. Какъ они охраняютъ порядокъ, мы отчасти познакомимся въ слѣдующей главѣ.

Есть всегда при заводѣ какая нибудь рѣчонка или прудъ, есть нѣсколько лавокъ, въ которыхъ за все деруть самыя отчаянныя цѣны. Есть нѣсколько кабаковъ, а въ иныхъ заводахъ, кромѣ этой явной, идетъ неофициальная продажа вина почти въ каждомъ домѣ.

Въ свободное отъ работы время, арестантъ, особенно если успѣлъ что нибудь украсть, идетъ въ кабакъ, гдѣ и сидитъ все время, пока его выгонятъ: хоть самому пить и не на что—по крайней мѣрѣ смотритъ, какъ пьютъ другіе. Часто въ одной улицѣ нѣсколько кабаковъ, одинъ около другаго, и тогда вся улица бываетъ обыкновенно занята пьяными арестантами и ихъ женами. Иной пропьетъ все, даже рубаху, вмѣсто которой надѣнетъ спитые лоскутки, иной даже и этого не надѣнетъ и путешествуетъ по заводу «въ натурѣ». Одни валяются на улицѣ, другіе еле стоятъ; шумъ, крикъ, драки, воровство, иногда и грабежъ—все это посреди бѣлаго дня на улицѣ.

Но не все свободное время арестанты посвящаютъ пьянству; часть его они употребляютъ на воровство и воруютъ все, что попало подъ руку. Нѣкоторые уходятъ небольшими партіями въ окрестныя деревни, крадутъ тамъ лошадей, коровъ, овецъ, телѣги, все, что можно, а главное — что ни пропавшихъ вещей, ни виноватыхъ почти никогда нельзя отыскать. Проѣзжихъ и прохожихъ, у которыхъ подозрѣваютъ деньги, останавливаютъ, ограбятъ и убьютъ, а трупъ сволокутъ куда нибудь въ сторону, въ лѣсъ, гдѣ онъ часто такъ и сгниетъ — найдутъ какъ нибудь потомъ одни кости. Иногда, если трупъ лежитъ близко отъ дороги, онъ распространяетъ сильное зловоніе, такъ что ѣдутъ обыскивать это мѣсто и часто находятъ еще не совѣзмъ сгнившіе трупы. Для *нѣкоторыхъ* арестантовъ убить человѣка ровно ничего не значить: онъ убьетъ всякаго, у кого подозрѣваетъ деньги, убьетъ и своего товарища, такого же арестанта или бродягу, чтобы овладѣть его рубашкой или другою, понравившеюся ему, частью туалета.

Въ заводахъ (я разумѣю подъ заводами и рудники, вообще всѣ мѣста, гдѣ живутъ и работаютъ арестанты) обыкновенно трудно разыскать виновныхъ, потому что полицейскіе десятники часто выбираютъ изъ самихъ арестантовъ, да и остальные полицейскія власти часто бываютъ за одно съ арестантами.

Украденныя вещи чрезвычайно рѣдко можно разыскать, и то случайно: онѣ сначала хранятся у особыхъ пріемщиковъ, а потомъ съ надежнымъ человѣкомъ препровождаются въ сосѣднія деревни, къ другимъ, такимъ же пріемщикамъ, а оттуда идутъ далѣе.

Значительная часть арестантовъ занимается въ свободное время исключительно воровствомъ и разными мошенническими продѣлками. Остальные дѣлаютъ это только при случаѣ, а все время занимаются мастерствами и другими полезными работами. Нѣкоторые изъ нихъ, семейные, живутъ своимъ хозяйствомъ и имѣютъ скотъ, но хозяйство это поддерживается обыкновенно только ихъ женами и рискуютъ въ одно прекрасное утро очутиться въ кабакѣ, когда мужу захочется кутнуть черезъ край.

Семейство каторжнаго обыкновенно кормится само, да иногда еще и содержитъ самого арестанта; женщины занимаются стиркой бѣлья и другими женскими работами, лѣтомъ собираютъ ягоды и почти всѣ при случаѣ помогаютъ своимъ мужьямъ или любовникамъ въ воровствѣ. Случается, что отдавшій стирать бѣлье или чинить какую нибудь вещь обратно уже ничего не получаетъ: всѣ его вещи давно въ кабакѣ.

Заводское начальство большею частію люди хорошіе, но не могутъ измѣнить этого порядка вещей: онъ глубоко пустилъ корни. Впрочемъ, иногда и начальство притѣсняетъ арестантовъ, преимущественно въ

денежномъ отношеніи и удерживаетъ себѣ часть отпускаемаго на нихъ содержанія. Всѣ эти роды притѣсненій существуютъ издавна; но бывали случаи, что нѣкоторые изъ начальниковъ спустились въ этомъ отношеніи даже до мелочей: такъ напр. арестанты одного изъ сибирскихъ солонваренныхъ заводовъ жаловались пріѣхавшему ревизору, что управляющій, изъ покупаемой для больницы говядины, вырѣзываетъ для себя все мясо, а въ больницу отсылаетъ одни кости. Управляющій возразилъ на это ревизору, что изъ костей выходитъ очень хорошій бульонъ...

Но какъ ни тяжело положеніе арестантовъ въ рудникахъ и заводахъ, все-таки оно въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ для нихъ лучше, чѣмъ въ сибирскихъ крѣпостяхъ (Орской, Омской и др.) и даже арестантскихъ ротахъ. Тутъ арестанты живутъ почти вездѣ на свободѣ и имѣютъ возможность какимъ нибудь образомъ доставать деньги, а въ крѣпостяхъ и арестантскихъ ротахъ, хотя теперь и стало лучше противъ прежняго, главное неудобство для арестанта — содержаніе въ острогахъ — существуетъ. Въ заводахъ арестантъ хоть и работаетъ больше, чѣмъ въ крѣпостяхъ и арестантскихъ ротахъ, но онъ свободенъ и если чѣмъ не доволенъ — во всякое время можетъ убѣжать, а изъ острога и вообще изъ подъ караула бѣжать гораздо труднѣе. Въ остальныхъ главныхъ чертахъ жизнь арестантовъ въ крѣпостяхъ и арестантскихъ ротахъ совершенно похожа на общую арестантскую жизнь.

IV.

БРОДЯГИ.

Долго я звонкія цѣпи носилъ,
Душно мнѣ было въ горахъ Акатуя,
Старый товарищъ бѣжать пособилъ:
Ожилъ я, волю почувя.

Изъ арестантской пѣсни.

Одну изъ особенностей Сибири составляетъ цѣлый классъ бродягъ. Бродягою называется обыкновенно всякій бѣжавшій изъ своего мѣстопребыванія, то есть рудника, завода, крѣпости или деревни (если онъ поселенецъ), и пробирающійся по Сибири, по направленію отъ Нерчинска къ Россіи. Бродяги есть и въ Россіи, но тамъ ихъ, сравнительно съ Сибирью, мало, они тамъ строго преслѣдуются и вообще имѣютъ другой характеръ; они ведутъ себя гораздо тише и скрываются обыкновенно подъ разными названіями, то богомольцевъ

и странниковъ, то другихъ подобныхъ лицъ; вообще они стараются скрыть, что они бродяги, зная, что большая часть населенія въ Россіи нерасположена къ нимъ и большею частію выдаетъ ихъ начальству. Въ Сибири совсѣмъ другое. Бродягъ тамъ несравненно больше противъ Россіи, они попадаютъ постоянно, начиная съ марта мѣсяца, а съ мая ихъ можно встрѣчать на каждаго 20 верстахъ, иногда цѣлыми партіями. А главное, что въ Сибири они имѣютъ между жителями право гражданства: ихъ никогда не берутъ, если они только не сдѣлали никакого преступленія; бываетъ, что задерживаютъ бродягъ безъ всякой особенной причины, но такіе случаи чрезвычайно рѣдки и задержавшему тогда не слобовать; бродяги узнаютъ объ его поступкѣ и узнавъ, рано или поздно, тотъ или другой, зарѣжутъ его. Поэтому сибирякъ рѣдко рѣшается задерживать бродягу и скорѣе самъ расправится съ нимъ, если поймаетъ его въ кражѣ; убьетъ его самъ, но не повезетъ къ начальству. И остальные бродяги на эту расправу рѣдко претендуютъ, особенно въ восточной Сибири, и винятъ своего товарища, зачѣмъ онъ кралъ; случается, что они сами ловятъ такихъ воровъ, сами расправляются съ ними «какъ Богъ на душу положить», но всегда жестоко, потому что «не воруй, говорятъ они ему: ты знаешь, что ты не одинъ здѣсь ходишь — здѣсь ходятъ сотни, которыя изъ за тебя должны страдать, потому что въ деревнѣ, гдѣ случилась кража, произведенная бродягой, тамъ ужъ другимъ бродягамъ ничего не подадутъ, да еще пожалуй будутъ ловить ихъ».

Имѣя такимъ образомъ въ нѣкоторомъ родѣ право гражданства, сибирскій бродяга идетъ смѣло, никогда не скрываетъ, кто онъ. Онъ знаетъ, что жители всегда накормятъ его, да еще дадутъ запасъ на дорогу, да и начальство иногда или просто промолчитъ при встрѣчѣ съ нимъ — не гнаться же ему за нимъ, особенно если вблизи мѣся, — или привѣтливо поговоритъ съ нимъ, а иногда и денегъ дастъ. Последнее, случилось, дѣлывало въ старые года даже самое высшее начальство.

Бродягами дѣлаются обыкновенно каторжные, которые считаютъ тяжелымъ отработать свой срокъ; такихъ бѣглыхъ иногда ловятъ, наказываютъ плетями и увеличиваютъ имъ прежній срокъ работъ; но если арестантъ при прежнемъ, меньшемъ срокѣ не хотѣлъ жить въ заводѣ, то при увеличенномъ не будетъ жить и подавно, и бѣжить; его иногда опять ловятъ, еще больше увеличиваютъ срокъ работъ, который уже наконецъ дѣлается вѣчнымъ — тогда уже арестанту ничего болѣе не остается, какъ постоянно бѣгать, отдѣлываясь по временамъ за это спиной: вѣкъ вѣдъ не проработаешь. Такимъ образомъ онъ и проводитъ всю жизнь въ бѣгахъ, до самой смерти.

Бродяги собственно бываютъ двухъ родовъ: бродяги изъ любви

къ искусству, и бродяги по необходимости. Первыхъ не очень много, хотя и встрѣчаются такіе, которые нигдѣ не могутъ поселиться осѣдло: ихъ все тянетъ въ лѣсъ, для нихъ жизнь бродяги, исполненная приключеній, составляетъ особенное удовольствіе, но такихъ можетъ быть не болѣе трехъ процентовъ всего числа бродягъ. Остальные идутъ стрѣлять савоѣкъ (*) , потому что для нихъ невыносима принужденная каторжная работа и жизнь рабочаго арестанта; кромѣ того ихъ тянетъ къ своимъ, въ Россію, откуда ихъ оторвали. Я видѣлъ одного арестанта, который три раза бѣгалъ изъ Нерчинскихъ заводовъ въ Россію, къ своей женѣ и дѣтямъ; но дальше Пермской губерніи доходить ему не удавалось: его ловили и, давъ извѣстное количество кнотовъ (тогда еще наказаніе кнутомъ не было уничтожено), снова посылали въ рудники, увеличивая каждый разъ срокъ работы. Наконецъ онъ бѣжалъ въ четвертый разъ и на этотъ разъ дошелъ до самой деревни, близъ Ярославля, явился къ женѣ и уговорилъ ее идти съ нимъ; та согласилась и они оба явились къ мѣстному начальству: одинъ съ объявленіемъ, что онъ бѣглый, пришедшій за своей женой, а другая съ просьбою о позволеніи ей отправиться въ Сибирь вмѣстѣ съ мужемъ; ея просьбу приняли, его конечно отдали подлѣ судъ и на одиннадцатый мѣсяцъ прочли судебное рѣшеніе — 60 плетей и ссылка въ каторжную работу на очень большой срокъ. По исполненіи приговора, онъ отправился наконецъ въ Сибирь съ тѣмъ, о чемъ восемь лѣтъ хлопоталъ — съ женою и дѣтьми.

Многіе изъ этого рода бродягъ сами ругаютъ свою жизнь, но не могутъ бросить ее скоро: они прежде ищутъ себѣ вѣрное мѣстечко, гдѣ бы они могли приютиться безопасно съ фальшивымъ паспортомъ, или даже вовсе безъ него. Но многіе изъ нихъ сами виноваты, что не могутъ приютиться: не выдержатъ, украдутъ какъ нибудь, ихъ и поймаютъ и шлютъ назадъ.

Вотъ, напр., случай, доказывающій отчасти, что многіе бродяги желаютъ вести осѣдлую жизнь: передъ осенью 1862 г. въ Сибирѣ ходили слухи о какомъ-то манифестѣ, въ которомъ, по словамъ сибиряковъ, будто бы говорилось, что всѣхъ явившихся къ начальству бродягъ будутъ приписывать на поселеніе. Многіе изъ бродягъ повѣрили этимъ слухамъ, и стали являться по всей Сибирѣ къ мѣстнымъ властямъ; особенно много, какъ говорятъ, явилось ихъ по Томской губерніи. Каково же было ихъ разочарованіе, когда имъ пришлось получать то, чего они вовсе не ожидали — плети и ссылку въ

(*) Савоѣйками называются въ Сибирѣ небольшія, деревенскія, круглыя бул-ки, сѣраго цвѣта и чрезвычайно дурнаго вкуса; стрѣляютъ савоѣкъ, т. е. про-сить ихъ — на арестантскомъ языкѣ значить бродяжить.

каторжные работы. Бѣгаютъ и поселенцы, которымъ жить нечѣмъ, а такихъ довольно много; нѣкоторые изъ нихъ бѣгаютъ часто съ золотыхъ промысловъ: наймется напр. поселенецъ къ какому нибудь частному золотопромышленнику, возьметъ по обыкновенію задатокъ рублей въ тридцать и болѣе, а такъ какъ этотъ задатокъ приходится заживать почти цѣлый годъ (при конаніи золотыхъ розсыпей имъ полагается 3 р. с. въ мѣсяць, а при промывкѣ золота извѣстный процентъ) и жить все время безъ денегъ,—потому что полученный задатокъ большею частію въ тотъ же день остался въ кабацѣ,—то онъ обыкновенно или бѣжитъ съ самыхъ присковъ или скрывается тотчасъ же по заключеніи контракта и полученіи задатка.

Бѣгаютъ арестанты или изъ тюремъ, или съ этаповъ, съ дороги или наконецъ уже съ самыхъ заводовъ и рудниковъ; большинство принадлежитъ къ послѣднему разряду, потому что съ завода всегда открыта дорога для побѣга, за отсутствіемъ постоянного надзора, и бѣжавшему грозитъ только опасность во время поисковъ за нимъ, если они будутъ; а бѣжать съ дороги и вообще изъ подъ караула,—тутъ нуженъ большой рискъ, тутъ арестантъ кромѣ опасности поисковъ, подвергается опасности въ самую минуту бѣгства, потому что конвойные часто бываютъ съ заряженными ружьями и должны стрѣлять въ бѣгущаго; наконецъ за бѣжавшимъ изъ тюрьмы или съ дороги, особенно если бѣжало много, всегда начинаются поиски, сзываютъ всѣхъ окрестныхъ крестьянъ, дѣлаются облавы въ лѣсахъ и т. п. Въ заводахъ же отыскиваніемъ бѣжавшихъ занимаются рѣдко, потому что тамъ некогда это дѣлать, да и бесполезно: бѣжавшаго хватятся только на другіе сутки, а иногда и гораздо позже, а въ это время онъ будетъ ужъ далеко.

Изъ тюремъ бѣгаютъ только тѣ, кому за важныя преступленія грозитъ сильное наказаніе; такіе люди, которымъ уже необходимо убѣжать, убѣжать непременно, какъ бы строго ихъ ни содержали; они и тюрьму подкопаютъ и уйдутъ и вылѣзутъ черезъ трубу для стока нечистотъ, вообще рѣшаются на самые смѣлые поступки, чтобы исполнить свой планъ. Нужда заставить ихъ перехитрить самыхъ хитрыхъ сторожей. Въ Иркутскѣ былъ напр. случай такого рода: одинъ арестантъ одѣлся въ чистое гражданское платье, важно и смѣло пошелъ къ воротамъ и велѣлъ часовому (буряту) отворить ихъ; буряты вообще народъ простой, нехитрый, и часовой повиновался приказанію, полагая, что это былъ какой нибудь чиновникъ, приходившій въ канцелярію тюрьмы по дѣлу. Арестантъ конечно и былъ таковъ. Но на такіе смѣлые поступки рѣшаются не многіе: большинство бѣгаетъ изъ тюремъ, когда къ тому есть удобный случай, а случаи эти бываютъ главнымъ образомъ на работахъ, которыя про-

изводятся арестантами внѣ тюрьмы, а иногда и внѣ города, въ лѣсахъ.

Весною и лѣтомъ число арестантовъ, бѣгающихъ съ работъ, бываетъ довольно велико: бѣгаютъ почти каждый день, а иногда и по нѣскольку человѣкъ, потому что конвойнымъ трудно усмотрѣть за ними, особенно въ лѣсу, число работающихъ доходитъ иногда до 100, а конвойныхъ бываетъ 10 или 12 человѣкъ, а иногда и менѣе; арестанту стоитъ только отойти нѣскольکو шаговъ въ сторону, къ кусты, конвойные его и не замѣтятъ, а если и замѣтятъ — искать бесполезно.

Чаще другихъ арестанты дурачатъ бурятъ, и въ Сибири можно услышать множество разказовъ о подобныхъ случаяхъ; я передамъ нѣкоторые изъ нихъ. Былъ, напр., случай такого рода: послали изъ одного острога человѣкъ пять арестантовъ съ однимъ конвойнымъ, въ находившейся неподалеку лѣсокъ, нарѣзать тамъ вѣтокъ для метѣль; арестанты работали сначала на глазахъ конвойнаго, но одинъ изъ нихъ мало по малу отходилъ въ сторону, и наконецъ скрылся въ кустахъ. У бурята достало на столько наивности, что онъ послалъ искать его двоихъ изъ оставшихся арестантовъ: тѣ пошли, вѣроятно нашли его, но назадъ, конечно, не вернулись, а пошли вмѣстѣ впередъ. Бурятъ подождалъ, подождалъ, да и вернулся въ острогъ вмѣсто пяти съ двумя оставшимися арестантами.

Еще о казакахъ-бурятахъ слышалъ я въ Иркутской губерніи слѣдующій весьма правдоподобный разказъ: послали какъ-то арестанта изъ тюрьмы съ конвойнымъ въ одно изъ присутственныхъ мѣстъ для допроса. На возвратномъ пути, на углу одной изъ улицъ, арестантъ говоритъ конвойному буряту, что ему нужно сходить до вѣтру; «только ты не смотри, прибавилъ онъ, я этого не люблю; я скажу тебѣ, когда можно». Бурятъ зашелъ за уголь, только ждетъ долго, арестантъ все его не зоветъ; онъ рѣшился, наконецъ, выглянуть, и видя, что арестантъ уже далеко, начинаетъ кричать: «другъ, другъ (*), куда ты? постой, воротись, другъ» и т. п. Слышалъ ли арестантъ крики своего друга, неизвѣстно, только не вернулся, и буряту пришлось возвращаться одному.

Побѣги изъ тюрьмы сравнительно съ другаго рода побѣгами бываютъ не такъ часто, особенно по нѣскольку человѣкъ вмѣстѣ. Въ послѣднее время случился только одинъ большой побѣгъ изъ тюрьмы, бывшій года два тому назадъ въ Ачинскѣ. Тюремный караулъ перепи-
лся (провинціальныя тюрьмы вообще отличаются патріархально-

(*) Буряты, обращаясь къ кому нибудь, почти всегда употребляютъ слово «другъ».

стию), такъ что на всю тюрьму остался только одинъ часовой у воротъ, и тотъ сомнительной трезвости. Арестанты знали это, а при такомъ удобномъ случаѣ не побѣжить только лѣнливый. Они въ этомъ случаѣ, конечно, лѣнливыми не были и пошли перелѣзать черезъ противоположную воротамъ стѣну, помогая одинъ другому, такъ что часовые, проспавшись, увидѣли бы себя единственными жителями острога; но между арестантами нашелся шпионъ, который, улучивъ минуту, побѣжалъ въ кордегардію и сказалъ караулу, что дѣлается. Однако все-таки ушло 44 человекъ. Побѣгъ этотъ надѣлалъ большого шума, начались по всемъ окрестностямъ облавы; около 15-ти человекъ поймали на третій же день, потомъ въ продолженіи трехъ недѣль переловили еще человекъ десять, троихъ поймали случайно уже на слѣдующій годъ, такъ что въ настоящее время изъ 44 человекъ неотыскано только 14.

Арестанты стараются вообще не бѣгать большими партіями, потому что, если убѣжить одинъ, два человекъ, на это не всегда обратятъ вниманіе и часто дѣло тѣмъ и кончается, а когда бѣжить сразу много человекъ — начнутся облавы и многихъ переловятъ, потому что большому числу бѣглыхъ трудно во всемъ спрятаться въ лѣсу, а одному или двумъ можно удобно.

Бѣгаютъ довольно часто съ этаповъ, большею частію черезъ отхожее мѣсто, разобравъ въ немъ тонкую досчатую крышу, или ночью черезъ заборъ. Иной разъ и днемъ пошлютъ, на примѣръ, арестантовъ за водой съ ушатомъ, а конвойный идти подѣзнится (на этапахъ еще болѣе патріархальности, чѣмъ въ уѣздныхъ тюрьмахъ), будучи увѣренъ, что они не уйдутъ, потому что рѣчка тутъ же въ деревнѣ, недалеко; однако арестанты рѣдко оправдываютъ ожиданія солдатъ и почти всегда бросаютъ въ первомъ удобномъ мѣстѣ ушатъ, а сами идутъ въ лѣсъ.

Бѣгаютъ также съ дороги во время перехода съ одного этапа на другой, человекъ по два, по три и болѣе; иногда, преимущественно за Байкаломъ, большая часть партіи, по командѣ одного, бѣжить «на ура», разомъ во всѣ стороны. Солдатамъ ужъ тутъ дѣлать нечего, и хотя бываетъ, что они убьютъ нѣсколько человекъ, но этимъ дѣлу не помогутъ; обыкновенно они стараются только удержать отъ побѣга остальныхъ, а за бѣжавшими не гонятся.

Всѣ вообще побѣги бываютъ весною и лѣтомъ, особенно съ дороги, потому что въ Сибири по сторонамъ дороги снѣгъ, иногда выше человѣческаго роста; тутъ ужъ бѣжать некуда. Но есть нѣсколько этаповъ, гдѣ и лѣтомъ не бываетъ побѣговъ, потому что они стоятъ въ степи, гдѣ мѣсто открытое и по дорогѣ нѣтъ деревьевъ. Лѣсистые этапы на этотъ счетъ менѣе счастливы; между ними есть такіе, что почти изъ каждой проходящей партіи кто нибудь убѣжить,

потому что по дорогѣ попадаются такіе густые лѣса, что вторыхъ рядовъ деревьевъ уже не видно; во время перехода по такой дорогѣ арестанту стоитъ только сдѣлать три шага въ сторону и искать его уже будетъ бесполезно.

Наковецъ, самые главные и почти самые легкіе побѣги дѣлаются изъ заводовъ. Бѣжать тамъ легко, но идти бѣжавшему, куда ему нужно, чрезвычайно трудно, особенно бѣглымъ изъ Нерчинскаго округа за Байкаломъ, гдѣ имъ приходится идти по недѣлѣ безлюдными мѣстами.

Бѣглые изъ Нерчинскихъ заводовъ соединяются обыкновенно вмѣстѣ и идутъ большими партіями, каждая по извѣстному маршруту; большинство идетъ отъ Нерчинска до Читы, потомъ вдоль по теченію рѣки Хилокъ, по рѣкѣ Чикой, въ которую Хилокъ впадаетъ. Съ Чикой переѣзжаютъ въ Селенгу, которая принимаетъ въ себя Чикой, а по Селенгѣ приходятъ уже прямо къ Байкалу. Встрѣчающіеся по дорогѣ города, они обходятъ стороною. Этотъ маршрутъ извѣстенъ всему Забайкалью и всѣ знаютъ, что весною по этой дорогѣ можно всегда и вездѣ найти цѣлыя партіи бродягъ. Это обстоятельство подало поводъ къ довольно курьезному случаю, все съ тѣми же бурятами. Однажды, еще въ прошломъ десятилѣтіи, бѣжало изъ одного Забайкальскаго завода двое арестантовъ. Тамошніе казаки-буряты тотчасъ же бросились на рѣку Хилокъ, которая течетъ неподалеку отъ завода, захватили тамъ человѣкъ 15 разныхъ бродягъ, связали и привели къ начальству: «вотъ бачка, ваше почтеніе, возьмите 15 голова за два голова».

Иные, впрочемъ, ходятъ другой дорогой.

Изъ завода уходятъ обыкновенно партіями по нѣскольکو человѣкъ, запасшись хлѣбомъ, пожемъ и вообще всѣмъ на столько, чтобы не было обременительно идти. Дорогой къ нимъ присоединяются другія небольшія партіи и такимъ образомъ составляется партія человѣкъ въ 30 и болѣе. Такая партія, особенно если она сыта и имѣетъ запасы, идетъ смѣло, и ее уже никто не тронетъ, даже казачьи пикеты, которые лѣтомъ часто стоятъ по Байкалу, потому что бывали случаи, что такія партіи отправляли весь пикетъ на дно Байкала. Но все-таки бродягъ, даже и большой партіи, трудно дойти до Байкала, а еще труднѣе очутиться по ту сторону его. Въ этомъ походѣ умираетъ громадный процентъ бѣглыхъ и большею частію съ голода. Нашлись бы охотники безъ дальнихъ хлопотъ бѣжать за Китайскую границу, которая тутъ недалеко, но китайцы выдаютъ бѣглыхъ; на дальній востокъ, въ глубь Сибири, идти не приходится — тамъ еще скорѣе можно умереть съ голоду, и долженъ бродяга поневолѣ идти изъ Нерчинска за Байкаль, по направленію къ Иркутску, гдѣ сравнительно

безлюдныхъ мѣстъ меньше. Между Нерчинскомъ и Читою бродяга долженъ перейти Яблоновый хребетъ, на этомъ переходѣ много ихъ мретъ съ голоду, потому что взятый изъ завода запасъ истощается уже на третій день, а горы тянутся на многіе десятки верстъ, такъ что бродяги часто теряютъ тамъ дорогу, блуждаютъ до истощенія силъ, не имѣя возможности подкрѣпиться пищею. Кто счастливо миновалъ Яблоновый хребетъ, тому еще предстоитъ переходъ черезъ братскую степь, гдѣ тоже большая часть ихъ мретъ съ голоду, потому что здѣсь мало бурятскихъ деревень и трудно отыскать ихъ и добыть хлѣба; да если кто и наткнется на нихъ, то заходить въ нихъ опасно, потому что нѣкоторые буряты часто задерживаютъ бродягъ, опасаясь, не убѣжали ли они съ тѣхъ заводовъ гдѣ служатъ ихъ родственники; такъ чтобы тѣмъ не пришлось отвѣчать, они часто представляютъ задержанныхъ бродягъ начальству. Опасающіеся этихъ столкновеній обходятъ деревни и идутъ большею частию лѣсами. Здѣсь такъ же, какъ и въ Яблоновыхъ горахъ, имъ случается дней по 10-ти и болѣе ничего не ѣсть, кромѣ черемши (трава въ сибирскихъ лѣсахъ, воняющая хуже чесноку; ея лечатъ въ Сибири отъ цынготной болѣзни), да полеваго луку, такъ что иные потомъ рассказывали, что и рады бы были отдаться въ руки начальства, да не бываетъ его близко въ тѣхъ мѣстахъ, а дойти нѣтъ силъ. Не всякій въ состояніи выдержать такую діету, и множество бродягъ гибнетъ съ голоду; иные гибнутъ также въ лѣсахъ отъ дикихъ звѣрей, преимущественно отъ медвѣдей.

Добравшись какъ нибудь черезъ силу до Байкала, бродяга долженъ выбирать: или переправиться черезъ Байкаль съ опасностію утонуть, или обходить его кругомъ съ опасностію умереть съ голоду. Большинство рѣшается на первое, потому что тутъ можетъ быть на его счастье волненія не будетъ, и онъ счастливо доберется до другаго берега Байкала; обходить же кругомъ значитъ имѣть всѣ шансы умереть съ голоду, потому что тутъ почти вовсе нѣтъ селеній и многіе, рѣшившіеся идти этимъ путемъ, погибаютъ съ голоду. Сибиряки часто находятъ по берегамъ Байкала десятки труповъ умершихъ голодною смертію. Рѣшающимся переплывать Байкаль тоже предстоитъ не мало трудностей; до сихъ поръ они переправлялись по рѣчкамъ и черезъ нихъ на кое-какъ сколоченныхъ плотахъ (для этой цѣли бродяги всегда почти имѣютъ топоръ), но черезъ Байкаль на плоту невозможно ѣхать. Нѣкоторые поэтому крадутъ большія морскія лодки, часто стоящія по берегамъ Байкала и успѣшно переправляются въ нихъ, но украсть такую лодку не всегда можно, да и не всякій на это рѣшится, потому что, если его поймутъ на этой кражѣ, непременно убьютъ, или представятъ начальству. Ни того ни другаго бродяги не желаютъ и большею частию рѣшаются плыть черезъ Байкаль на утлыхъ, бро-

шенныхъ лодченкахъ, при чемъ одна треть сидящихъ гребетъ, а $\frac{2}{3}$ выкачиваютъ воду; такая лодка при первомъ волненіи тонетъ вмѣстѣ съ пассажирами.

У арестантовъ есть много пѣсенъ, въ которыхъ описываются приключенія бродягъ во время путешествія отъ Нерчинска до Байкала. Вотъ одна изъ нихъ, довольно извѣстная въ Забайкальѣ:

Славное море, привольный Байкаль!

Славный корабль — омулевая (*) бочка!

Ну, Баргузинъ (**), пошевеливай валъ,

Плыть молодцу недалеко.

Долго я звонкія цѣпи носилъ,

Душно мнѣ было въ горахъ Акатуя —

Старый товарищъ бѣжать пособилъ:

Ожилъ я, волю почувъ.

Шилка и Нерчинскъ не страшны теперь,

Горная стража меня не видала,

Въ дебряхъ не тронулъ прожорливый звѣрь,

Пуля стрѣлка миновала.

Шель я и въ ночь и средь бѣлаго дня,

Вкругъ городовъ я посматривалъ зорко,

Хлѣбомъ кормили крестьянки меня,

Парни снабжали махоркой.

Весело я на сосновомъ бревнѣ

Плыть чрезъ глубокія рѣки пускался;

Мелкія рѣчки встрѣчались мнѣ —

Въ бродъ я чрезъ нихъ преправлялся.

У моря струсилъ немного бѣглець:

Берегъ крутой, а и нѣтъ ни корыта;

Шель я Карчой (***) и дошелъ наконецъ

Къ бочкѣ дресвою замытой.

Нечего думать — Богъ счастье послалъ:

Въ этой посудѣ и быкъ не потонетъ;

Труса достанетъ и на суднѣ валъ,

Смѣлаго въ бочкѣ не тронетъ.

Тѣсно въ ней жить омулямъ —

Мелкія рыбки утѣштесь словами:

Разъ побывать въ Акатуѣ бы вамъ, —

(*) Омулевая бочка, т. е. бочка, въ которой были омули — довольно вкусная рыба, водящаяся въ нѣкоторыхъ рѣкахъ Иркутской губерніи и Забайкальскаго края; ее обыкновенно употребляютъ соленою, и въ этомъ видѣ она напоминаетъ сельдей.

(**) Баргузинъ — вѣтеръ дующій по направленію отъ города Баргузина, стоящаго на сѣверо-восточномъ берегу Байкала.

(***) Карча, рѣчка впадающая въ Байкаль.

Въ бочку полѣзли бы сами.
Четверо сутокъ ношусь по волнамъ,
Парусомъ служить армякъ дыроватый,
Близко виднѣются горы и дѣсь:
Можно погулять бы и здѣсь, да бѣсъ
Тянетъ къ родному селенью (*)

Рѣшившіеся обойти Байкаль сухимъ путемъ, тоже иногда побываютъ въ морѣ. Идя по берегу Байкала, имъ часто приходится переправляться черезъ впадающія въ него рѣчки или въ бродъ, или на бревнахъ, и небольшихъ плотикахъ; такая переправа имъ не всегда удается и есть такія быстрыя рѣчки (напр. р. Снѣжная), которыя уносятъ эти плотики часто въ открытое море, гдѣ гибель переправлявшагося бродяги неминуема.

Но если бродягъ удалось попасть за Байкаль, онъ почти безопасенъ отъ голодной смерти, потому что тутъ вездѣ селенія, и вездѣ подадутъ хлѣба. Приходятъ бродяги въ деревню и начинаютъ пѣть растянутымъ голосомъ:

Милосердые наши батюшки,
Милосердыя наши матушки,
Не забудьте насъ несчастнѣйшихъ,
Невольничковъ заключенныхъ
Христа ради! (**)

Жители отвѣчаютъ на этотъ призывъ и подаютъ бродягамъ, кто что можетъ, а иные заываютъ ихъ къ себѣ въ дома и угощаютъ тамъ, особенно въ праздники. Нѣкоторые снабжаютъ бродягъ пищею по сочувствію къ нимъ и изъ сожалѣнія къ ихъ несчастной жизни; большинство же разсуждаетъ такъ: отчего ему не накормить голоднаго человѣка? какая нибудь грошовая булка не разоритъ его, а одинъ крестьянинъ дастъ булку, другой дастъ, и т. д., и партія бродягъ будетъ сыта. Притомъ нѣкоторые бродяги живутъ у крестьянъ по нѣсколькимъ дней и даже недѣль, помогая имъ въ работахъ, особенно лѣтомъ во время уборки хлѣбовъ и покосовъ. Въ это время каждый зажиточный сибирякъ радъ бродягъ, потому что тотъ поможетъ ему въ страду, а у инаго крестьянина нѣсколько десятковъ десятинъ только подъ одними покосами, работа бродягъ обойдется ему вчетверо дешевле, чѣмъ съ обыкновенными работниками. Да и бродяги доволь-

(*) Въ концѣ вѣроятно пропущено нѣсколько строкъ, но арестанты, пѣвшіе эту пѣсню, увѣряли, что они ничего не пропустили и что вездѣ ее такъ поютъ.

(**) Прежде это пѣвали и цѣлыя партіи арестантовъ (не бродягъ), входя въ деревню, но теперь это запрещено.

ны такой работой: они знаютъ, что крестьянинъ будетъ хорошо кормить ихъ и еще на дорогу дастъ денегъ.

Иногда бродяги занимаются и другими промыслами для добыванія денегъ. Крестьяне, преимущественно женщины, часто спрашиваютъ ихъ, не умѣютъ ли они колдовать. Бродяги, конечно, отвѣчаютъ, что умѣютъ, и берутся составлять приворотныя и разныя другія зелья, за что собираютъ часто довольно много денегъ.

Переѣхавъ Байкаль, бродяги большею частию плывутъ по Ангарѣ до Иркутска, и тутъ уже большія партіи раздѣляются на маленькія, человѣка по два, и по три, и идутъ каждая своей дорогой. Большая часть ихъ держится большого московскаго тракта, пробираясь мало по малу все ближе къ Россіи, но постепенно уменьшаясь, потому что часть ихъ попадаетъ за разныя проказы, а часть остается въ сибирскихъ губерніяхъ, пріютившись гдѣ нибудь на время или на чужое имя приписавшись къ какой нибудь волости.

Чѣмъ ближе къ Россіи подходитъ бродяга, тѣмъ менѣе начинаетъ онъ церемониться съ жителями. За Байкаломъ и отчасти въ Иркутской и Енисейской губерніяхъ бродяги живутъ только на счетъ купцовъ и другихъ проѣзжихъ и даже своихъ товарищей, у которыхъ подозрѣваютъ деньги, но въ деревняхъ красть не будутъ. Бываютъ конечно исключенія, но сами бродяги строго преслѣдуютъ виновныхъ. За Красноярскимъ они уже менѣе церемонны и иногда «пошализуютъ», кромѣ городовъ и дорогъ, и въ деревняхъ, особенно въ Томской губерніи. Во время Пасхи 1863 года, въ Томскѣ въ первые три дня найдено семь труповъ и нѣкоторые изъ нихъ при разграбленныхъ лавкахъ.

За то, въ западной Сибири чаще и ловятъ бродягъ: случится какое нибудь большое воровство или убійство, и начнутъ по всѣмъ окрестностямъ хватать ихъ, и правыхъ и виноватыхъ.

Въ обыкновенное же время, какъ я уже говорилъ, бродягъ ловятъ рѣдко. Жители не ловятъ ихъ, одни изъ состраданія: зачѣмъ, молъ, обижать несчастныхъ, пусть идутъ съ Богомъ, только никого не трогаютъ; другіе изъ опасенія, чтобы бродяги въ отмщеніе не зарѣзали кого нибудь изъ нихъ, да не сожгли деревню. Иногда даже крестьяне, когда ихъ наряжаютъ на облаву, послѣ какого нибудь большого побѣга, сами предупреждаютъ бродягъ и даютъ имъ случай скрыться отъ облавы. Солдаты тоже иногда не ловятъ ихъ, нѣкоторые изъ человеческого чувства, а другіе разсуждаютъ такъ, что поймавъ бродягу, онъ долженъ вести его къ начальству, а тотъ можетъ съ дороги убѣжать, такъ что придется отвѣчать, зачѣмъ упустилъ его; такъ ужъ пусть ихъ лучше ходятъ, да никого не трогаютъ; по крайней мѣрѣ хлопотъ не будетъ. Солдаты ловятъ ихъ въ случаѣ необходимости,

когда случился побѣгъ изъ партіи, которую они вели, но и тутъ иногда не ловятъ другихъ бродягъ, примѣты которыхъ не подходятъ къ примѣтамъ бѣжавшихъ, и отпускаютъ ихъ. За то если они поймаютъ бѣжавшаго собственно отъ нихъ — они безпощадны.

Иные бѣглецы, особенно писаря и другія понатершіяся лица, не довольствуются обыкновенною бродяжескою жизнью, а предпринимаютъ разные подвиги, преимущественно съ фальшивыми паспортами, выдѣлка которыхъ довольно сильно распространена между арестантами. Въ Сибири, въ пятидесятыхъ годахъ, отличились смѣлостію двое бродягъ, изъ которыхъ одинъ былъ похожъ на прѣбжавшаго тогда ревизовать Сибирь генерала и выдавалъ себя за него; другой бродяга выдавалъ себя за его писаря, и ему-то принадлежить мысль этой продѣлки. Онъ велъ ее все время, а мнимый генералъ служилъ только его орудіемъ. Они ѣздили вдвоемъ по разнымъ городамъ западной Сибири, собирали вездѣ деньги и нагоняли холоду. Наконецъ, вслѣдствіе какой-то ссоры между ними, узнали, что они не настоящіе ревизоры, и задержали ихъ. Въ 1862 году въ Сибири изъ такихъ самозванцевъ наиболѣе извѣстно было трое или четверо, между ними капитанъ турецкаго сухопутнаго флота и полковникъ де-Северинъ — оба пришедшіе въ каторжную работу. Северинъ былъ рѣшительно героемъ всего 1863 года. Онъ былъ бѣглый солдатъ изъ пермскаго гарнизоннаго баталіона, и настоящая фамилія его Софроновъ. Бѣжавъ изъ Перми, онъ десять лѣтъ скитался по Россіи, жилъ въ Царствѣ Польскомъ, гдѣ узналъ немного нѣмецкій языкъ; потомъ какъ-то попался, былъ наказанъ шпидрутенами и сосланъ въ каторжную работу. Началъ разыгрывать свою роль съ Тобольска, хотя тамъ и не совсѣмъ успѣшно. Въ Тарѣ дѣла его уже пошли успѣшнѣе, такъ что онъ успѣлъ добыть займы денегъ. У него былъ хорошій гусарскій мундиръ, въ которомъ онъ являлся всюду и по приглашенію, и безъ приглашенія; всѣ вѣрили, что онъ дѣйствительно полковникъ иностранной службы де-Северинъ, а никому не приходило въ голову заглянуть въ его партіонный списокъ. Это дѣлали уже потомъ, когда поведеніе мнимаго полковника заставляло сильно сомнѣваться въ его званіи; тогда его заковывали въ кандалы и даже поколачивали; но онъ въ слѣдующемъ же городѣ или даже на слѣдующемъ этапѣ расковывался и продолжалъ разыгрывать опять ту же роль и съ тѣмъ же успѣхомъ. Въ Томскѣ его принимали всѣ, угощали обѣдами и т. п. Въ Красноярскѣ полковнику счастье уже не такъ везло: его снова заковали, кажется, уже въ шестой разъ во время всего пути, посадили въ секретную и общали плетей. Но на первыхъ же этапахъ отъ Красноярска онъ расковался и въ первомъ же городѣ игралъ свою роль съ новымъ успѣхомъ: его всюду принимали и только когда онъ уже слишкомъ замошенничался,

узнали, кто онъ, поколотили и заковали. Въ Иркутскѣ онъ снова взялся было за старое, но уже окончательно неуспѣшно: съ нимъ поступили такъ же, какъ въ Красноярскѣ.

Такъ какъ основную причину бродяжества составляетъ у насъ способъ наказаній и недостаточность содержанія арестантовъ, то его никакъ нельзя искоренить, не измѣнивъ условій, при которыхъ живетъ арестантъ въ настоящее время. Въ числѣ разныхъ нелѣпныхъ слуховъ, ходившихъ по Сибири въ 1862 и 1863 годахъ, былъ слухъ, что всѣхъ бѣглыхъ будутъ судить военнымъ судомъ и разстрѣливать. Арестанты вѣрили ему, но мало смущались имъ. Они говорили, что если бродяга не боится голодной смерти и рискуетъ бѣжать, то пули и подавно не побоятся; ему все равно: двумъ смертямъ не бывать, а одной не миновать, онъ на то идетъ; только онъ будетъ тогда отчаяннѣе и живой въ руки не дастся.

Кстати о слухахъ, которые доходили до арестантовъ, о преобразованіи ихъ быта. вмѣстѣ съ упомянутымъ сейчасъ слухомъ о разстрѣливаніи бродягъ, ходилъ по всѣмъ сибирскимъ тюрьмамъ слухъ, что скоро въ наказаніяхъ будутъ держаться правила «голова за голову», то есть за убійство будутъ наказывать смертію, и значительное большинство арестантовъ одобряло это правило. Были слухи и объ одиночномъ заключеніи, которое должно замѣнить каторжныя работы, и эти слухи чрезвычайно непріятно подѣйствовали на арестантовъ. «Теперь, говорили они:—я по крайней мѣрѣ людей вижу и могу всегда бѣжать, живя въ заводѣ, а тогда придется сидѣть нѣсколько лѣтъ, никого не видя и ни съ кѣмъ не говоря; это съ ума сойдешь.

THANATOPSIS.

(СТИХОТВОРЕНИЕ АМЕРИКАНСКАГО ПОЭТА ВИЛЛЕЯМА КОЛЛЕНЪ-БРАЙНТА.

W. CULLEN-BRYANT) (*).

Съ тѣмъ, кто понять умѣлъ языкъ природы,
И въ чьей груди таится къ ней любовь,
Ведетъ она всегда живыя рѣчи.
Коль весель онъ — на радости его
Найдется въ ней сочувственная радость.
Въ часы тоски, тяжелыхъ, скорбныхъ думъ,
Она своей улыбкой тихой гонитъ
Печали мракъ съ ноникшаго чела.
Когда твой духъ мучительно гнететь
О смерти мысль... когда передъ тобой
Предстанутъ вдругъ ужасныя картины:
Прощанья съ тѣмъ, что въ жизни ты любилъ,
Ночь безъ конца, и узкое жилище
Подъ каменной, холодною плитой,
И грудь твоя болѣзненно сожмется
И пробѣжить по членамъ дрожь: — иди,
Иди тогда подъ небо голубое,

(*) Родился въ 1794 г., живетъ въ Нью-Йоркѣ. Вотъ что говоритъ о немъ Шерръ, въ своей всеобщей исторіи литературы: Брайнтъ—нѣжно и изящно организованный поэтическая натура. Его поэзія—лирика, съ дидактическимъ отбѣнкомъ, очень похожа на поэзію Каупера, Грея и Юнга; но онъ умѣетъ придать ей специально американскій тонъ, настолько специальный, что его не безъ основанія называютъ первымъ самобытнымъ поэтомъ своей родины. Душою большихъ и небольшихъ его стихотвореній является довольный природою оптимизмъ. (Poems, Thanatopsis, the prairies, the ages). Thanatopsis значитъ созерцаніе смерти.

Прислушайся къ немолчнымъ голосамъ;
Изъ нѣдръ земли, изъ волнъ шумящихъ моря,
Изъ глубины таинственныхъ лѣсовъ —
Услышишь ты: близка, близка пора!
И для тебя померкнетъ лучъ денницы!
Не сохранять, — ни влажная земля
Которая оплаканныхъ приемлетъ,
Ни океанъ безбрежный, — образъ твой.
Земля тебя питала. Нынѣ хочетъ
Она, чтобъ къ ней опять ты возвратился,
И чтобъ твое землею стало тѣло.
Такъ, прежняго лишившись бытія,
И всякій слѣдъ его утративъ, долженъ
На вѣкъ ты со стихіями смѣшаться,
И будешь ты скалѣ кремнистой братомъ
И глыбѣ той, которую весной
Плугъ бороздитъ. Столѣтній дубъ прорѣжетъ
Твой прахъ насквозь могучими корнями.
Не одинокъ сойдешь ты въ ту страну,
Ты опочишь тамъ на блаженномъ ложѣ,
Гдѣ обрѣли себѣ успокоенье
Вѣковъ давно минувшихъ патріархи,
И мудрые и сильные земли,
И добрые и праведные мужи.
Взгляни кругомъ: верхи скалистыхъ горъ,
Что древностью сравнятся могутъ съ солнцемъ,
Долинъ, луговъ пестряющей нарядъ,
И ручейка прозрачные извивы,
Безмолвное святилище лѣсовъ,
И вокругъ всего — пустыня океана,
Все это, все, — могилѣ необъятной,
Гдѣ люди спятъ, лишь украшеньемъ служить...
На тихое жилище мертвецовъ,
Съ высотъ небесъ, глядитъ отъ вѣка солнце,
И рогъ луны, и хоръ лучистыхъ звѣздъ.
О! еслибъ кто могъ счастье сошедшихъ въ землю!
Число живыхъ — предъ ними горсть одна!
Лети съ зарей, на крыльяхъ вѣтра, въ степи,
Иль заблудись средь дѣвственныхъ лѣсовъ,
Гдѣ Орегонъ лишь вѣчный шумъ свой слышитъ.

Миліоны тамъ легли со дня созданья!
Въ пустыняхъ тѣхъ — царятъ они одни!
Тамъ будешь ты покоиться... Пускай
Людьми конецъ твой будетъ не замѣченъ,
И не почититъ тебя слезою другъ;
Но всѣ они твою судьбу раздѣлятъ.
Кто весель, тотъ тебя проводитъ шуткой,
Кто удрученъ заботой тяжкой, мимо
Пройдетъ угрюмъ. За призраками оба
Всю жизнь они гоняются... Когда же
Придетъ пора, — покинуть смѣхъ и трудъ,
И близъ тебя усталые склонятся...
Что годъ, то будешь новыхъ ты
Пришельцевъ зрѣть: съ тобою соединятся
И юноша, и полный силы мужъ,
И красотой блистающая дѣва,
Едва на свѣтъ рожденное дитя,
И женщина, и старецъ среброкудрый...
Всѣ, всѣ сойдутъ къ тебѣ сыны земли,
Одно, во слѣдъ другому, поколѣнья,
За стеблемъ стебель, сраженные косою!
Живи же такъ, чтобы въ урочный часъ,
Когда примкнешь ты къ длиннымъ караванамъ,
Идущимъ въ міръ тѣней, въ тотъ міръ, гдѣ всѣмъ
Готовъ пріютъ, въ жилищѣ тихомъ смерти,
Не походилъ ты на раба, — въ тюрьму
Влекумаго всесильнымъ властелиномъ;
Чтобъ просвѣтленъ былъ духъ твой примиреньемъ,
Чтобъ къ гробу ты приблизился, какъ тотъ,
Завѣсу кто, надъ ложемъ опустивши,
Идетъ ко сну, исполненъ ясныхъ грѣзъ...

А. ПЛЕЩЕЕВЪ.

Ноябрь, 1863.